

Скелет из пробирки

Автор:

Дарья Донцова

Скелет из пробирки

Дарья Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #6

Катастрофа! Я, Виола Тараканова, в панике! В издательстве ждут мой новый детективный роман, а муза, очевидно, от жары скрылась в неизвестном направлении. Хоть убейте, нет сюжета! Но кто ищет, тот всегда найдет!.. Купив в магазине раритетный комодик, я обнаружила в нем письмо с воплем о помощи. Некая Люба сообщала, что ее медленно убивают. Она даже указала свой адрес, но я опоздала. Мать Любы сказала, что та умерла два месяца назад, от астмы. Зацепиться не за что! Но только не мне, бывалой детективщице и жене мента! Я начала распутывать дело этой странной семьи, где старики самозабвенно занимаются наукой, а молодые мрут, словно мухи... Вот и сюжет для нового забойного детектива потихонечку вырисовывается...

Скелет из пробирки

Дарья Донцова

Автор посвящает эту книгу

редакторам, художникам,

корректорам, верстальщикам,

работникам пресс-службы

и рекламного отдела, короче

говоря, всем сотрудникам

издательства «Эксмо»,

с любовью и благодарностью.

Глава 1

Ничто так не поднимает настроение, как покупка напрасной, абсолютно бесполезной вещи. Все эти керамические свинки, крохотные коробочки, миниатюрные чашечки... А в ГУМе имеется магазин под названием «Гостиная тетушки Эмили». Вроде и невелика лавчонка, всего одна небольшая комнатуха, но провести в ней можно целый день, разглядывая всевозможные очаровательные штучки. Даже мой муж, Олег Куприн, попав туда однажды, разинул рот. Правда, простояв так минут пятнадцать, он потом все же спросил:

– Ну и какой в этом прок?

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, вертя в руках милую плюшевую собачку размером с полмизинца.

Муженек крякнул:

– Чайник величиной с ноготь! Ну какая от него в хозяйстве польза?

– Никакой, – пожала я плечами.

– Ну и на фига он тогда?

Да уж, мужчине никогда не понять женскую душу. Зачем делают безделушки? Для того чтобы вы их покупали. И для лиц сильного пола тоже производят

игрушки. Зайдите в магазин «Все для рыбалки и охоты», там у прилавков с самым романтичным настроением толпятся мужики. Отчего их глаза страстью горят при взгляде на вожаделенные удочки и ружья, а не при виде любимой жены?

В общем, у каждого свои погрешности, но я настоятельно рекомендую мужчинам хоть раз привести в «Гостиную тетушки Эмили» своих женщин, буря восторга гарантирована. Даже самая суровая и злобная теща растает, рассматривая крохотулечные штученции.

Вот я заявила сегодня сюда в отвратительном настроении и через мгновение забыла о своих неприятностях. Руки схватили прелестный комодик, прямо как настоящий, только чуть меньше пол-литровой банки. Ящички у него выдвигались, ручки были бронзовыми, передняя панель украшена миниатюрными медальонами. Я просто не сумела расстаться с комодиком и, прижав его к груди, прошествовала к кассе.

– Что-то вы сегодня быстро, – улыбнулась приветливая продавщица, – походили бы еще, поглядели.

– Ваш магазин – сплошная разорилка, – вздохнула я, – последние деньги потратила, муж ругаться станет.

– Наплюйте, – махнула рукой девушка, – мой тоже вечно стонет: «Распланируй расходы, живи по средствам, давай на квартиру копить». Как он, интересно, собирается на нее насобирать, откладывая по тысяче рубликов в месяц? Я разок посчитала – больше ста лет понадобится, чтобы собрать необходимую сумму, а мне через пару десятков лет вообще все равно будет, где жить! Своего, знаете, как затыкаю? Чуть он про экономию, а я в ответ: «Зарабатывай больше и меньше на мамочку трать. А то ей шубу купить можно, а мне трусы нельзя».

Я взяла пакет с покупкой и потопала к метро. Интересно, под что можно приспособить комодик? Класть в ящички драгоценности? Но у меня всего одна золотая цепочка, две пары сережек и три колечка. Впрочем, скорей всего он подойдет для хранения ниток и иголок.

В великолепном настроении я ворвалась в квартиру и обнаружила, что дома никого нет. На холодильнике покачивалась прижатая магнитом записка: «Ушла с

Никитой в поликлинику. Тома»[1 - История семьи Виолы Таракановой рассказана в книге «Черт из табакерки».]. Я сделала себе чай с лимоном, вытащила из холодильника глазированный сырок, одним махом проглотила его, облизала бумажку и принялась в деталях изучать комодик. Чем больше смотрю на приобретение, тем больше нравится. Впрочем, Томочке он тоже придется по вкусу, до сих пор катушки валялись у нас в круглой железной коробке из-под печенья, а теперь улягутся в ящички!

Я сбегала в гостиную, притащила измятую, поцарапанную тару из-под бисквитов, встряхнула нитки с иголками и начала раскладывать швейные принадлежности, не уставая удивляться красоте комодика. Какие крохотные отделенница, до чего славные ручечки и медальончики...

Наконец я добралась до последнего ящичка. Аккуратно выдвинула его и увидела сложенную белую бумажку. Наверное, инструкция по пользованию. Ничего интересного в ней нет, знаю наперед. Не держите изделие вблизи огня, не протирайте мокрой тряпкой, не чистите абразивными порошками. Все вещи иностранного производства, как правило, снабжены детальными предостережениями. Самое гениальное попало мне на бутылочке шампуня для собак, произведенного в Германии. С немецкой обстоятельностью фирма предупреждала: «Откройте колпачок, налейте в воду небольшое количество средства, поставьте в жидкость одну собаку, вымойте до чистого состояния, затем высушите животное. Применять только в воде, не использовать нигде, кроме ванной. Не пить, не давать детям, не употреблять для стирки». Хорошо, что предупредили, а то я, тупая до невероятности, могла бы затеять собачью баню в гостиной или коридоре. И уж совсем замечательно, что велели ставить в воду только одну собаку. Представьте теперь, что вы решили помыть три Жучки одновременно? Ну кому подобная идея могла прийти в голову? Только сумасшедшему многорукому существу. Замечательней этой инструкции была только сопроводительная записка на зонтике: «Выйдя на улицу, раскройте зонт, вернувшись в помещение – закройте». В общем, «бабе цветы – детям мороженое, смотри не перепутай».

Я вытащила бумажку, развернула ее и удивилась. Инструкция была написана от руки, нервным женским почерком. Но уже через секунду стало понятно: передо мной письмо, не имеющее никакого отношения к безделушке:

«Помогите! Если кто прочтет это, помогите! Боярская Любовь Кирилловна, улица Баскакова, д. 9, кв. 17. Может, успеете. Меня убивают, спасите, умоляю,

попросить некого, он уже совсем отравил меня, никто не верит. Умоляю!!!
Придите!!!»

Я чуть не выронила листок. Ну ничего себе! Каким образом это послание попало в комодик? На душе заскребли кошки. Мой муж служит в милиции, и я хорошо знаю, какова криминогенная ситуация в городе. Олег очень не любит, когда я вечером, в темноте, иду одна по узкой улочке от метро. И еще он всегда предупреждает: «Если к тебе подошли, показали нож и потребовали кошелек, шубку, колечки, немедленно отдавай все. Глупо умирать из-за ерунды».

Но это письмо... Может, его нацарапала сумасшедшая? В Москве полно людей, которые видят НЛО, слышат голоса и запросто разговаривают с инопланетянами. Олега целый год изводила старушка, ухитрявшаяся невесть как, не имея пропуска, проникать к нему в кабинет. Бойкая бабуся просила расстрелять соседей, которые пускают в ее квартиру отравляющий газ. Бедному Куприну, чтобы избавиться от ненормальной, пришлось отправиться к ней домой и просидеть пару часов в ванной, пока ее не заполнил резкий сладкий аромат.

- Вот, чуετε? - обрадовалась бабка. - Газ пошел!

Естественно, Куприн сразу понял, в чем дело. Просто люди из соседней квартиры воспользовались освежителем воздуха, у нас самих в туалете стоит такой, только не цветочный, а пихтовый.

- Ты объяснил ей, в чем дело? - спросила я, когда Олег, смеясь, рассказал эту историю.

- Нет, - покачал головой муж, - все равно не поверит и начнет бегать по другим кабинетам, рассказывая, что я в сговоре с преступниками. Я сделал лучше.

- Ну? - заинтересовалась Тamarочка. - Что же пришло тебе в голову?

- Сгонял в магазин, - захихикал Олег, - купил «Антитабак» в аэрозоле и вручил старухе со словами: «Вот вам нейтрализатор, только почуете отраву, сразу пшикайте, действует стопроцентно». Теперь бабка раз в три месяца является за новым нейтрализатором, и мы нежно расстаемся. Вы не поверите, у нее прошли все болячки, даже давление пришло в норму. Вот она - великая сила гипноза.

Я повертела в руках записку. Минуточку, а как она попала в комодик? Неужели в «Гостиной тетушки Эмили» торгуют подержанными вещами, выдавая их за новые? Ну и ну, полное безобразие! Охваченная справедливым гневом, я схватила безделушку и ринулась назад в ГУМ.

- Что вы, - замахали руками продавщицы, услышав мое негодующее: «Это вещь, сданная на комиссию». - У нас только новые товары.

- Они просто выглядят так, их искусственно старят, - пояснила девушка с бейджиком «Лена», - ну прикольно это, вроде потертое, потрескавшееся, а на самом деле новехонькое. Слышь, Ань, покажи книгу учета.

Рыженькая Анечка нырнула в подсобку и мигом приволокла здоровенный том.

- Вот смотрите, - сказала она, - картины прибыли из Англии зимой, а ваш комодик привезли три месяца назад из Италии. Их вообще-то десять штук было, на сегодняшний день остался один, тот, который вы приобрели.

- Извините, - пробормотала я.

- Ничего, - заулыбалась Лена, - приходите еще, скоро мишки поступят, такие классные, в шапочках и костюмчиках.

- Что вас так взволновало? - поинтересовалась Аня.

Я вытащила бумажку.

- Представляете, нашла в нижнем ящичке.

Аня взяла листок и, забыв про профессиональную учтивость, заявила:

- Во, блин, ну придурки!

- Кто? - заинтересовалась я.

- Ну эти, - замялась девушка, - из «Городка Вильямса».

- Откуда? - не поняла я.

Аня с Леной переглянулись.

- Да так!

- Нет уж, расскажите!

Лена вздохнула:

- Вы вроде как наша постоянная покупательница... Ладно, слушайте.

«Гостиная тетушки Эмили» существует уже давно, причем это сеть магазинов. Они есть не только в ГУМе, просто здесь самый большой выбор, да и новинки прежде всего поступают именно сюда. Долгое время «Гостиная тетушки Эмили» была монополистом на рынке, но потом на соседней улице открылась похожая торговая точка под названием «Городок Вильямс». Его продавцы сразу повели себя некорректно. Всем покупателям они, не стесняясь, говорили: «Только не ходите в «Гостиную тетушки Эмили», торгуют жуткой дрянью по завышенным ценам».

- Но людей не обмануть, - сердито объясняла Лена, - всем тут же стало понятно, что товар у них отвратительный и страшно дорогой. И ходить к ним практически перестали. Тогда владельцы новой торговой точки решились на терроризм.

- Такие гады, - влезла в разговор Аня. - Начали нанимать всяких проходимцев. Ну представьте, вечер, тут полно покупателей, появляется грязный бомж и принимается кашлять. Естественно, все разбегаются кто куда!

- Или бабка припрется, - вздохнула Лена, - и давай товар цапать и ломать. А какой с нее спрос?

Продавщицы сначала думали, что все неприятности происходят оттого, что «Гостиная тетушки Эмили» расположена у самого входа в ГУМ, но потом они поймали подростка, который втихаря засовывал мороженое в шкатулочку, и пригрозили вызвать милицию. Паренек тут же разрыдался и сказал, что его наняла за сто рублей прилично одетая женщина. Обозленные Аня и Лена

поволокли мальчишку в «Городок Вильямс», и юный «террорист» мигом указал на одну из продавщиц. Разгорелся дикий скандал. Негодяйка сделала большие глаза и заявила:

- С ума сошли! Первый раз вижу этого оборванца, и вообще я сегодня ни на минуту не покидала рабочее место. Мальчишка врет! Пусть докажет, что деньги я ему дала!

Так и не добившись правды, Аня и Лена вернулись назад и теперь очень внимательно следят за посетителями, потому что конкуренты не успокаиваются, придумывают все новые и новые пакости.

- Вон чего теперь удумали, записочки подкидывать! - возмущалась Аня.

- Да еще с адресом, - кипела Лена.

- Поехать бы туда да по шеям надавать, - не успокаивалась Аня.

- Да небось адрес от балды взят, - вздохнула Лена, - им же надо от нас покупателей отвадить, вот вы пришли с претензией, а другие не поедут, просто решат, что мы обманщики, торгуем подержанными вещами как новыми, и больше сюда не сунутся.

- Чтоб их «Городок Вильямс» сгорел, - топнула хорошенькой ножкой Аня, - мерзавцы.

- Акулы торговли, - вторила ей Лена, - я ведь даже знаю, кто и когда записку подсунул!

- Ну, - подскочила Аня, - кто же?

- А помнишь, весной, мы только получили комодики и выставили их в зале, тетка заявила, такая дерганая, в шубе, с мороженым. Все головой по сторонам вертела. Мы еще ей сказали, что в магазин вход с едой запрещен, а она разоралась: «Мне надо, хочу и войду». А потом уронила стаканчик, и нам пришлось пол мыть.

– Точно, – подскочила Лена, – вот пакостница! Нарочно ведь пломбир по полу растоптала, а потом целый час по «Гостиной» шлялась и ничего не купила. Она мне тогда просто хамкой показалась. Эти, из «Городка», либо бомжей, либо старух убогих нанимают. Дама-то выглядела обеспеченной: шуба, кольца, серьги и вела себя уверенно... Неужто такая на сто паршивых рубликов польстилась!

– Почему бы нет, – пожала плечами Аня и повернулась ко мне, – уж извините нас, езжайте домой, комодик совершенно новый!

Слегка успокоенная, я вышла из магазина, потолкалась в переходе, дошла до метро, села на лавочку и еще раз перечитала письмо. Отчего-то в сердце ржавым крючком сидела тревога. Вдруг нечестные конкуренты ни при чем? Вдруг неведомая Любовь Кирилловна и впрямь нуждается в помощи, а письмо засунуто в комодик в последней надежде?

Так моряк, попавший на необитаемый остров, швыряет в равнодушный океан бутылку с координатами своего местонахождения. Нет, пока я сама не убежусь, то есть убедюсь, то есть не убеждусь... Отчаявшись найти правильную форму, я пошла к книжному лотку. Сейчас куплю атлас и найду там улицу Баскакова.

Самое интересное, что она оказалась почти рядом, шла перпендикулярно Солянке, и я добралась до места буквально за пятнадцать минут. Дом номер девять прятался за зеленой полупрозрачной тканью, очевидно, шел ремонт фасада. Я стала заглядывать под чехол, ища вход в подъезд.

– Эй, – окликнул меня молодой парень в каске, – чего надо?

– Как пройти внутрь?

– А зачем тебе?

– В гости иду, в семнадцатую квартиру.

Строитель улыбнулся.

– Опоздала, все выехали.

- Куда? - удивилась я.

Юноша вытащил сигареты.

- По разным местам, не понятно разве? Здание пустое, жильцы выселены.

Тут только я увидела выбитые стекла и поняла, что рабочий прав.

- А где люди?

- Так квартиры получили, небось рады-радешеньки.

- Почему?

- Здесь сплошные коммуналки были, а теперь банк откроют. Народу хоромы дали. Самое лучшее, когда не муниципальные власти, а богатые структуры расселяют, они метры не считают, а мэрия жадится.

- И куда все съехали?

Парень развел руками.

- Понятия не имею, а вам зачем?

- Подруга у меня тут жила, в семнадцатой квартире, как ее теперь искать?

На секунду паренек призадумался, а потом посоветовал:

- Вы поезжайте на Волгоградский проспект, там офис «Обманбанка», найдете того, кто людей расселял, списки-то наверняка сохранились - кто, куда и в какую квартирку съехал. У финансистов бумажки хорошо сохраняются...

- Как, вы сказали, называется учреждение? - удивилась я. - «Обманбанк»?

- Ну да, - пояснил строитель, - «Объединенный московский аналитический банк», а что?

Ничего, конечно, кроме того, что я никогда бы не доверила ни копейки учреждению с подобным названием. Я вздохнула и ушла.

Глава 2

На Волгоградский проспект я отправилась на следующий день и потратила почти два часа, разыскивая того, кто знал хоть что-нибудь о новом офисе на улице Баскакова. Наконец после долгих и мучительных хождений по кабинетам я очутилась перед молодым, но страшно серьезным пареньком, одетым, несмотря на жару, в строгий темный шерстяной костюм с галстуком.

– Почему, собственно говоря, вас волнует наше ремонтируемое здание? – сухо поинтересовался он.

Я прикинулась идиоткой.

– Понимаете, там жила моя подруга, Боярская Любаша, Любовь Кирилловна. Как теперь с ней связаться?

– Подождите, сама позвонит.

– Она глухонемая, – нашлась я.

– Тогда муж проявится или кто из родственников, – не сдался клерк.

– Нету никого, она одинокая. Сделайте милость, гляньте, куда она выехала!

Несколько секунд юный финансист сидел недвижимо, потом бормотнул:

– Не положено.

– Пожалуйста, в виде исключения.

Мальчик встал и подошел к шкафу.

- Только из-за того, что она инвалид.

- Да-да, - закивала я, - какой вы добрый, другой бы человек и пальцем не пошевелил ради меня, а вы такой замечательный. Прямо неудобно делается при виде такого внимания к делам совершенно посторонней женщины.

Я давно заметила: стоит похвалить человека, как он мигом старается оправдать мнение о себе. Очень советую вам подобное поведение, оно безотказно действует в кабинетах у чиновников всех мастей. Начнете скандалить и требовать того, что положено вам по закону, - не получите ничего, а примените стратегическую хитрость - добьетесь своего.

Одна моя подруга, многодетная мать, родившая пять мальчиков и шесть девочек, имеет множество льгот. К сожалению, все они остаются лишь на бумаге. Маня одно время бегала по кабинетам, размахивая шашкой над головой с воплем: «Мне положено - дайте». Но дамы в английских костюмах, сидевшие за красивыми офисными столами, футболили Маньку. Они не брали взяток, да и какие деньги можно потребовать с бедной бабы? Нет, ее просто заставляли заполнять кипы бланков и говорили: «Приходите в среду». Потом в четверг, в пятницу... Теперь Манечка применяет иную тактику. Опустив глазки, она вползает в кабинет и заводит песню:

- Мне так неудобно отвлекать вас от решения важных государственных проблем ерундой, но только вы способны мне помочь. Знаю, что люди нещадно эксплуатируют ваше доброе сердце, но остальные вокруг взяточники и хамы, а вы честный человек, никогда не сказавший никому грубого слова.

После такого заявления чиновница или чиновник мигом подписывает все бумаги, а Маняша, кланяясь до пола, задом выходит в коридор.

Вот я сейчас вспомнила ее советы и добилась успеха. Клерк довольно долго рылся в папках и наконец сообщил:

- Боярская Любовь Кирилловна выехала по адресу: улица Академика Боренко, дом шесть, квартира семьдесят девять.

В полном восторге от собственной предприимчивости, я вышла на улицу и пошла к метро. Я знаю, что улица Академика Боренко находится на Юго-Западе столицы. Когда я преподавала немецкий язык, в том районе жило много моих учеников: Юля Охрипка, Дима Мельник, Олег Савостин.

Кстати, с Димой Мельником постоянно происходили дикие истории, связанные с тем, что парень совершенно не хотел учить иностранные языки. Вообще говоря, он тяготел к математике, мечтал досконально овладеть компьютером, но папа, директор крупного завода, категорично заявил:

– Я ни одним языком не владею, мне это страшно мешает, поэтому ты изучишь английский и немецкий.

Некоторые родители обладают потрясающей логикой. Отсутствие знаний иностранных языков мешало папе, а бороться с неправильными глаголами и пролезать сквозь колючие дебри грамматики должен был несчастный Дима. Папенька хотел изжить таким образом свои комплексы.

Бедный парень мучился ужасно, ни немецкий, который преподавала ему я, ни английский, который пыталась вбить ему Юдифь Соломоновна, не лезли бедняге в голову. Потом отец отправил юношу в Лондон на месяц, так сказать, для полировки знаний.

Честно говоря, Димин английский находился в таком состоянии, что шлифовать было совсем нечего, но ведь не заявлять же об этом суровому папе? Тридцать дней несчастный Дима Мельник бродил по Лондону в полной тоске, вокруг говорили только по-английски, мясо ему давали с вареньем, в ванной вместо нормального смесителя из стены торчали два крана, и приходилось, заткнув раковину пробкой, полоскаться в грязной воде...

Нет, в Великобритании Диме решительно не понравилось, и он испытал бурный приступ радости, собираясь на посадку в самолет, который должен был доставить его в Москву.

В аэропорту Диме в голову пришла славная идея: следует обмотать сумку скотчем, чтобы никто не влез в нее и не спер купленные подарки.

Парень огляделся по сторонам, увидел служащего, подошел к нему и сказал:

– Скотч. Ай вонт скотч.

Мужчина в форме улыбнулся и привел Диму в... ресторан. А вы куда бы отправили парня, который на плохом английском твердил фразу: «Я хочу скотч».

Между прочим, на языке Шекспира «скотч» означает виски.

Увидав барную стойку, Мельник возмутился и потребовал:

– Ай вонт скотч!

Бармен мигом вытащил бутылку «Белой лошади».

– Ноу, – покачал головой Дима, – скотч.

Бармен решил, что парню не подходит сорт, и достал более дорогой «Блэк лэбел».

– Ноу, – завопил Мельник, теряя самообладание.

Знания языка катастрофически не хватало для полноценного диалога, но Дима все же решил объяснить ситуацию:

– Ай рашен! Ай вонт...

Бармен радостно закивал, он понял, что турист из России. Дима расслабился, и тут перед ним возникла бутылка водки «Смирнофф», а парень с той стороны стойки с идиотской улыбкой сказал:

– Йес! Рашен скотч!

Чтобы Диме было более понятно, бармен заговорил на искаженном английском. И потом, все же знают, что русские пьют лишь водку, а про виски, коньяк, шампанское и хорошее вино никогда не слышали. Несчастный Мельник заскрипел зубами, поднял сумку, потряс ею перед барменом и заявил:

– Ай рашен, ай вонт скотч!

Тут бармен засмеялся:

– Вау! Йес!

Дима обрадовался, его поняли!

Через секунду около него появилась хорошенькая официантка и потянула за рукав:

– Камин, сэр!

Мельник пошел за девушкой, все больше радуясь: его уводят из ресторана, значит, он хоть как-то может объясниться с англичанами. На всякий случай он потряс сумкой перед носом у провожатой и сообщил:

– Скотч! Ай вонт скотч! Ай рашен.

– Йес, йес, – закивала девица, увлакивая Диму в зал беспошлинной торговли, – скотч! Йес, скотч!

Через пять минут девчонка втащила Мельника в отдел, торгующий спиртным, и ткнула пальцем в пятилитровую бутылку виски. И бармен, и она решили, что парень хочет прихватить домой, в Россию, спиртное.

Дима затопал ногами и стал требовать:

– Скотч, скотч, скотч!

Продавцы начали притаскивать разнообразные бутылки. У Мельника чуть не случился приступ истерики, но тут около него оказалась симпатичная девчушка лет пятнадцати с красным рюкзаком за спиной.

– Что тебе надо? – на чистейшем русском языке поинтересовалась она.

– Скотч, – чуть не зарыдал Дима, – сумку обмотать. Где его тут можно купить? Ну англичане тупорылые, ни фига не понимают. Ясно же говорю – скотч! Так нет, волокут выпивку!

– Это не англичане такие, а ты кретин, – скривилась девочка, – скотч здесь называется «tape». Иди на оформление багажа, бесплатно сумки замотают.

Улица Академика Боренко – извилистая, узкая – бежала в горку, а нужный мне дом, новый блочный красавец, стоял на самом верху. Здание выглядело внушительно, жильцы, похоже, были озабочены собственной безопасностью, потому что двор окружали высокий глухой забор и крепко-накрепко запертые ворота с калиткой. Я поискала домофон, но никаких кнопочек на железной панели не нашлось. Внезапно калитка открылась, и появилась женщина с коляской, я обрадовалась и шмыгнула внутрь.

Нужная дверь была железной, прикрытой дорогой деревянной панелью. Недолго думая, я ткнула пальцем в звонок.

– Кто там? – спросил нежный голосок.

– Любовь Кирилловну можно?

Загремел замок, и появилась девушка лет шестнадцати в крохотных шортиках и обтягивающей маечке.

– Вы кто? – тихо вымолвила она.

– Мне нужна Любовь Кирилловна.

Юное создание попятилось.

– Она умерла!

У меня тревожно сжалось сердце.

– Как? Давно?

- Ну, примерно два месяца назад, сорок дней недавно отмечали.

- Что с ней приключилось? - не успокаивалась я.

Девочка начала кашлять. У нее явно был сильный бронхит. Наконец, слегка отдышавшись, она ответила:

- У тети Любы была сильная астма.

- Кто там, Алина? - раздался голос из глубины квартиры.

- К Любовь Кирилловне пришли, - попыталась крикнуть в ответ девочка и снова зашлась в кашле.

Ее лицо побледнело, на лбу выступили капли пота, и несчастной пришлось уцепиться за косяк, чтобы не упасть.

- Ну и скрутило вас, - покачала я головой.

Алина, еле-еле отдышавшись, сказала:

- Прямо беда, простудилась и никак в себя не приду.

- Надо к врачу сходить.

- Да была уже. Сказали, какая-то аллергия, сделала пробы, но ничего не выяснили.

- С кем ты разговариваешь, Алина? - спросила довольно полная женщина, выплывая в коридор. - Опять на сквозняке стоишь! Разве можно с твоим кашлем. Немедленно уходи. Вам кого?

Последняя фраза явно относилась ко мне. Я приветливо улыбнулась:

- Извините, я ищу Любовь Кирилловну.

– Моя дочь умерла.

– Бога ради, простите.

– А в чем, собственно говоря, дело? – удивилась дама. – Мы с вами знакомы?

Понимая, что попала в идиотскую ситуацию, я решила объяснить, в чем дело.

– Понимаете, я была в магазине...

– Так вы Вика Виноградова, – прервала меня женщина, – как я сразу не догадалась! Любаша о вас много рассказывала! Входите, входите, уже приехали? Я – Мария Григорьевна.

– Откуда? – машинально спросила я, шагая за хозяйкой.

Мария Григорьевна удивилась:

– Из Лондона. Любаша говорила, вы туда в январе на практику уехали.

– Ах да, конечно... – замямлила я, думая, как выбраться из идиотской ситуации. – Вот... вернулась... пришла...

Мария Григорьевна судорожно вздохнула:

– Кто бы мог подумать! Элементарная простуда – и смерть.

По щекам пожилой дамы потекли слезы. Мне стало неудобно, но момент сообщить свое настоящее имя и цель визита был упущен. И к тому же меня успели ввести в элегантно обставленную комнату и усадить на кожаный темно-коричневый диван со словами:

– Викочка, вам чай или кофе?

Пока Мария Григорьевна хлопотала, я оглядывала комнату. Одна стена завешана фотографиями. Внимание привлек один снимок. Молодая девушка

сидит, прислонившись к толстой березе, за ее спиной стоит кряжистый мужчина в мешковатом костюме. А Мария Григорьевна-то в молодости была красавицей!

Потом перед моим носом оказались хрупкая чашечка из прозрачного фарфора с дымящейся ароматной жидкостью и коробочка шоколадных конфет. Мария Григорьевна справилась с рыданиями и продолжила:

– Это был настоящий шок! У всех просто паралич наступил. Конечно, мы понимали, что Любаша больна. Вы когда уехали, Викочка, не припомню, Любаша-то рассказывала о вашей удаче, так радовалась, говорила: «Мамочка, Викуле страшно повезло! Стажировка в Лондоне!» Но я, честно говоря, считала, что вы получили заслуженное вознаграждение. Ведь не бросили аспирантуру, защитились, стали кандидатом. А Любаша, сами знаете, при ее таланте, свободном владении языком испугалась нищеты, бросила науку, открыла этот чертов магазин. Господи, ведь стыдно сказать, чему посвятила жизнь! Моя дочь! Боярская! И такое...

– Сейчас многие занимаются торговлей, – я дипломатично поддержала разговор.

Мария Григорьевна тяжело вздохнула.

– Ценю вашу деликатность, Викочка, но сами знаете, что за товар был представлен на прилавках. Я, кстати, ни разу не была в торговой точке. Впрочем, Любаша, зная мое отношение к ее занятиям, и не приглашала меня. Но иногда она приносила каталоги, и я страшно боялась, что Алиночка случайно сунет туда нос. Если бы я увидела нечто подобное в ее возрасте, думаю, испытала бы невероятный шок.

Честно говоря, мне стало интересно, чем же таким торговала Любовь Кирилловна?

– Но Любочка, видя мое недовольство, – продолжала Мария Григорьевна, – только смеялась. А потом очень жестко заявила мне: «Мама, у меня на руках ты, пожилая пенсионерка, и Алина. Можешь сколько угодно морщить нос и оттопыривать мизинцы, но вы хотите есть, одеваться и отдыхать в Турции». Любочка могла иногда так сказануть... Вот я и замолчала... Господи, ну кто бы мог подумать!

– А что с ней стряслось? – решила я задать вопрос.

– Разве она вам не писала? – удивилась Мария Григорьевна. – Любочка ведь частенько сидела в Интернете, идиотская забава – разговаривать с незнакомыми людьми посредством строчек на экране! Более того, она заразилась этим и Алиночку! Впрочем, после смерти Любаши девочка стала практически неуправляемой! Хамит, грубит, не слушается. Что ни скажу, слышу в ответ: отстань, я взрослая! Подростковый возраст! Я так поняла, что Любаша посылала вам письма по почте, то есть по этой штуке со странным названием... э... Емеля вроде...

– Е-майл, – поправила я.

– Точно, – исправилась дама. – Именно так Любаня и говорила: «Отправила Викуле е-майл». Неужели она вам не сообщила о болячке?

На меня неожиданно снизошло вдохновение, и я стала самозабвенно врать:

– Понимаете, в Лондоне я жила на частной квартире, там у хозяев имелся компьютер, они вроде разрешили мне им пользоваться, а потом передумали. Но, что самое неприятное, их сын-подросток удалял всю мою корреспонденцию. Письма приходили, а он их уничтожал!

Вымолвив последнюю фразу, я поняла, что сказала глупость. Если знала, что послания уничтожаются, то почему не позвонила Любе? И коли мы общались в Интернете через какой-то чат, почему она не сообщила мне о себе никаких подробностей? Еще есть Интернет-салоны, отчего не пошла туда?

Но Мария Григорьевна не заметила нестыковки.

– Надо же, – покачала она головой, – мне всегда не нравились англичане, сухие, расчетливые... Значит, вы не в курсе событий последнего года?

– Нет.

Мария Григорьевна вновь стала бороться с подступающими рыданиями.

– Я столько пережила! А информация может уместиться в пару фраз! В январе Любаня записалась в фитнес-клуб, ей все казалось, что она толстеет. Глупая фобия! Сначала изводила себя диетами, потом решила еще и спортом заняться! Ну, тренажеры ей не понравились, стала в баню ходить. Попарилась от души, нырнула в ледяной бассейн и, естественно, простудилась. Нет бы спокойно вылечиться! Так, на беду, Инга Горская, вы ведь знаете Ингу? С Любой вместе работает...

На всякий случай я кивнула.

– Так вот, Инга позвала Любу к себе на день рождения, и дочь познакомилась там с какой-то сумасшедшей, которая сказала, что лечиться таблетками и микстурами нельзя, это засоряет организм. Нужно обливаться ледяной водой из ведра, стоя босиком на земле, голодать полностью два раза в неделю, естественно, не употреблять спиртное и не курить.

Глава 3

Я молча слушала Марию Григорьевну. Когда-то в нашем подъезде жила странная женщина – Ольга Алексеевна. Когда я увидела, как она выходит ледяным январским днем на улицу босиком, в купальнике, с ведром воды, то первый позыв был позвонить в «Скорую психиатрическую помощь». Впрочем, то же желание испытывали и остальные жильцы, наблюдая, как новая соседка ничтоже сумняшеся опрокидывает на себя содержимое пластмассовой емкости. Потом мы привыкли к «водным процедурам» и поняли, что с Ольгой Алексеевной бесполезно здороваться, когда та стоит, задрав лицо к небу, и что-то про себя бормочет. Следующий взрыв эмоций случился у обитателей пятиэтажки, когда баба принялась закалять своих детей: мальчика и девочку, худеньких до синевы и явно очень болезненных. Главная подъездная сплетница Алевтина Рогачева принеслась к нам с Тamarочкой на кухню и зачастила:

– Вы только прикиньте, она этих детишек не только морозит, но и голодом мучает, они по понедельникам, средам и пятницам вообще ничего не едят!

Мы возмутились и плотной группой отправились к Ольге Алексеевне. Она приняла нас в гостиной, убранство которой не посчитал бы уютным даже монах-

схимник. Стол, два стула и жесткая софа без покрывала или пледа. Несмотря на вьюжный февраль, окно в гостиной распахнуто настежь, и я, одетая в толстый свитер, шерстяные носки и теплый спортивный костюм, мигом затряслась в ознобе. Хозяйка же спокойно стояла в летнем сарафане, без тапочек, на ее голые руки, ноги и шею было страшно смотреть. Дети были облачены в застиранные футболочки и купальные шортики, они тоже ходили по не застеленному ковром паркету босиком.

– Таких, как вы, надо лишать родительских прав! – в гневе закричала Алевтина, размахивая перед носом у Ольги кулаками.

Я попятилась. Вечно Алевтина все портит своей грубостью. Следовало спокойно побеседовать с соседкой, а не орать на нее, топая ногами. Сейчас хозяйка выгонит нас вон и будет совершенно права. Но Ольга неожиданно спокойно улыбнулась и ответила:

– Не судите, да не судимы будете. Зачем говорить в злобе о том, чего не знаете? Садитесь, я расскажу вам о матери.

Мы уместились на бугристой софе. Ольга повернулась лицом к фотографии довольно молодой женщины, висящей на стене, единственному украшению скудно обставленной комнаты.

– Это моя мать.

– Такая молодая? – удивилась Алевтина. – Она же твоих лет.

– Это наша общая мать, – монотонно принялась объяснять Ольга.

Пока тек ее неспешный рассказ, я наблюдала, как тихие дети молча возились с пустыми упаковками из-под чая, кофе и обуви. Очевидно, помятые коробки, принесенные с помойки, заменяли им игрушки.

Любое, самое хорошее дело превратится в полный кошмар, если к нему приложит руки фанатик. Таинственная мать, о которой с почтительным придыханием рассказывала Ольга, не советовала своим адептам ничего плохого. Закаляйтесь, принимайте холодные водные процедуры. Не обжирайтесь,

устраивайте день голодания в неделю, не ешьте жирного, копченого, сладкого, не курите, не пейте. Ей-богу, все подобные советы мог со спокойной совестью дать любой районный терапевт, никакого вреда организму они не принесут.

«Мать» заботилась и о душе своих «овец». Утром, прежде чем заняться трудовой деятельностью, следовало стать босиком на землю и попросить у неба удачи. А вечером проделать ту же процедуру. Раз в неделю все собирались вместе и рассказывали друг другу о том, как прожили семь дней, а потом, обсудив все дела и поступки, выбирали помощницу матери на ближайшую семидневку. На мой взгляд, эта процедура сильно напоминала групповые занятия у психотерапевта. При этом «мать», в отличие от очень многих «пророков», не просила никакой материальной помощи, не требовала переписать на нее квартиры, машины и дачи. Более того, она не уставала повторять, что главное для человека – семья, заботиться в первую очередь следует о своих близких, а на собрания верующих ходить только в свободное время. Но Ольга довела служение «матери» до абсурда. Это про таких сложена пословица: «Заставь дурака богу молиться, он лоб расшибет».

В тот день мы так и не сумели переубедить бабу, и обливания ледяной водой продолжались. Потом у Ольги умер сын, она продала квартиру и исчезла из нашего двора.

Похоже, что Любовь Кирилловна Боярская приходилась нашей полоумной соседке родной сестрой, потому что идея лечить сильную простуду посредством обливания ледяной водой пришлась даме по вкусу. Люба стала опрокидывать себе на голову ведра с водой. Ей становилось все хуже и хуже, что, в общем-то, естественно, но когда Мария Григорьевна просила дочь прекратить издевательство над собственным организмом, та лишь шипела в ответ:

– Отстань! Вот такие, как ты, удушили в Средневековье передовую науку.

– Но у тебя температура повышается, – мать пробовала воззвать к остаткам разума своей дочери, – пятый день тридцать девять!

– Так и должно быть, – тряслась в ознобе Люба, – токсины выходят, сейчас шлаки пойдут, и наступит резкое выздоровление.

Простуда перетекла в бронхит, тот плавно перешел в воспаление легких... Лишь после того, как Люба завалилась в обморок, она разрешила вызвать к себе врача. Тот, всплеснув руками, отправил ее в больницу. Там ей назначили уколы антибиотиков, но Люба, едва оправившись, вновь принялась за старое. Не ела мясо, рыбу, яйца, хлеб, масло, молоко... Короче, легче сказать, чем она питалась: орехами, ростками пшеницы и капустой. Измученный долгой болезнью и голодовкой организм дал сбой, началась астма с тяжелыми, изматывающими приступами удушья. Чтобы помочь больной, решили сделать цикл уколов нового, очень действенного лекарства. Мария Григорьевна за бешеные деньги приобрела десять ампул и отдала врачу. Вечером ей сообщили, что дочь скончалась от аллергического шока.

– Получается, что я сама купила Любочке смерть, – всхлипывала Мария Григорьевна, – недавно сорок дней прошло, а я все успокоиться не могу.

Я провела у Боярской еще полчаса, утешая пожилую даму, потом ушла. На улице начал накрапывать мелкий дождик. Зонта у меня с собой не было, впрочем, дождь мне не мешал, и я спокойно пошла к метро.

Да, Любовь Кирилловна Боярская скончалась, но в ее смерти не было ничего экстраординарного, ее свела в могилу собственная глупость, помноженная на медицинскую ошибку. Что же касается письма в комодике... По-моему, у Любви Кирилловны было не слишком хорошо с мозгами. Может, у тетки началась мания преследования...

– Вика, погодите, – донеслось сзади.

Я обернулась, ко мне спешила Алина – прямо в коротеньких шортиках и домашних тапочках.

– Пойдите, – задыхаясь, проговорила она и начала судорожно кашлять.

– Зачем же ты выскочила на улицу голая! – покачала я головой.

– Так жарко же, – прохрипела девочка, судорожно пытаюсь подавить приступ кашля.

– Все равно, если болеешь, нужно теплее одеваться.

– Некогда переодеваться было, боялась, что вы уйдете, – пояснила Алина, – думала, не догоню. Вот возьмите, Любаша вам просила передать сразу после ее смерти, только я не отослала, потому что заболела.

В моих руках оказался конверт с адресом: улица Реутовская, дом четыре, Виктории Виноградовой. Делать нечего, пришлось взять послание.

– Что же ты не отдала мне его дома?

Алина вновь зашлась в кашле. Я покачала головой:

– По-моему, тебе надо к врачу.

Девочка вяло улыбнулась.

– Да уж ходили с бабушкой везде. Одни говорят – бронхит, другие – аллергия. Вот пристал, никак не отвяжется. Люба просила вам конверт отдать тайком, так, чтобы никто не видел, даже бабуля. Ну, мне пора, а то она спохватится.

Не успела я и глазом моргнуть, как девочка испарилась. Ну и что теперь прикажете делать? Повертев письмо в руках, я положила его в сумочку. Придется завтра ехать на Реутовскую улицу и вручать депешу Виктории Виноградовой. Сегодня, к сожалению, нет времени, потому что я должна попасть в издательство.

Совсем недавно я написала детективный роман. Самое странное, что я довела книгу до конца, до этого все мои потуги на писательство заканчивались на двадцатой странице. Но еще более странно, что рукопись взяли в издательстве и... напечатали. И что уж и вовсе непонятно, так это то, что мне заплатили деньги. Первый успех окрылил меня настолько, что я быстро состряпала следующее произведение, которое тоже вскоре оказалось на прилавках. Но потом процесс «выпекания» криминальных романов приостановился. Честно говоря, я не знала, что придумать. В двух вышедших книгах я просто описала случившиеся со мной события. Наверное, я ненастоящая писательница.

Вон вчера встала у лотка и принялась пересчитывать книги других авторов. Ладно, про Маринину и Полякову промолчим, это не женщины, а роботы какие-то! Ну как они ухитряются с аптекарской пунктуальностью выдавать на-гора все новые и новые повести? И ведь качество написанного от книги к книге делается только лучше. Где берут сюжеты? Хотя Маринина вроде работала в милиции... но Полякова! Та ведь была воспитательницей детского сада! Ну где она черпает материал, а? Еще Анна Смолякова. Баба вообще ухитрилась за четыре года выдать тридцать книг. Нет, из меня ничего не получится. Вот сейчас у меня на руках договор, по условиям которого я должна представить к тридцатому числу новую рукопись, но на письменном столе лежит лишь один листочек, на котором красуется единственная фраза: «В тот вечер шел дождь». Все, дальше дело забуксовало.

Поняв, что не сумею вовремя принести рукопись в издательство, я накинулась на Олега с воплем:

- Ты работаешь в милиции, подбрось сюжетик!

Супруг шарахнулся в сторону.

- Господь с тобой, нет ничего интересного.

- Нет, - наскокивала я, - немедленно расскажи, что было вчера.

- На труп ездили, - вздохнул Олег.

- Вот, - оживилась я, - ну-ка поподробней.

- Да о чем говорить, - недовольно заворчал Куприн, - некий гражданин Сычев Николай купил три бутылки водки и выпил их вместе со своей сожительницей, гражданкой Аветисовой. В процессе совместного распития напитков гражданин Сычев вспомнил, что утром Аветисова назвала его козлом, и ударил ее по голове чугунной сковородкой.

- И что? - обалдело спросила я.

– Убил на месте, – пожал плечами Олег, – ничего интересного. Знаешь, Вилка, если писать правду о том, что происходит в городе, то читателям не понравится. Сплошная бытовуха – пьянство, грязь и мерзость.

Я приуныла, похоже, муженек прав, но мне-то куда деваться? В довершение всего вчера вечером позвонили из издательства и попросили приехать сегодня к пяти часам в сто двенадцатый кабинет. Я до сих пор имела дело только с женщиной по имени Олеся Константиновна и, честно говоря, испугалась, услышав бархатистый тенор, сообщивший:

– Вас ждет Федор Николаевич.

Кто такой Федор Николаевич, я не знала и от этого нервничала еще больше.

Первой попалась мне на глаза в длинном коридоре издательства Мила. Мне стало совсем неуютно. Эта молоденькая, заносчивая девица лет двадцати от роду делит рабочий кабинет с Олесей Константиновной. Каждый раз, когда я вхожу к ним в комнату, Мила усиленно делает вид, что не замечает меня. Она не здоровается и никогда не поворачивает головы, услышав робкое: «Добрый день, можно войти?»

На хорошенькой мордашке девушки при виде меня появляется презрительное выражение, и чаще всего она демонстративно громко начинает разговаривать по телефону.

Я медленно шла по коридору, Мила, двигаясь с другого конца, неотвратимо приближалась. Еще минута, и мы встретимся, как два поезда из школьной задачки по арифметике. Мила, гордо задрав голову, прошествует мимо, изображая полнейшее пренебрежение, а у меня возникнет стойкое ощущение, что невидимая рука опрокинула на голову ведро с помоями. Но деваться некуда, придется выдержать это испытание. Давай, Вилка, не тушуйся, бывали в твоей жизни ситуации и похуже. Ну-ка вспомни, как пришлось бежать через темный лес, одной, ровнехонько в полночь. А тут всего лишь дурно воспитанная нахалка.

Внезапно на лице Милы засияла приветливая улыбка.

– Добрый день! Страшно рада встрече. Вы несете нам новую рукопись? Две предыдущие вещи просто супер.

Я шарахнулась в сторону и оглянулась. Наверное, сзади идет Смолякова, она тоже печатается в этом издательстве. Но коридор оказался пуст.

Мила тем временем поравнялась со мной и, продолжая лучиться, сказала:

- Виола Ленинидовна, вы сегодня прекрасно выглядите.

- Э-э-э, - забормотала я, - ага, ну да, то есть вы тоже.

Мила закатила глаза:

- Мне так понравилось «Гнездо бегемота»!

- Спасибо, - ошарашенно ответила я.

- Это вам спасибо, - ответила девушка и ушла.

Я прислонилась к стене, чувствуя, как мелко-мелко подрагивают колени. Полная женщина лет сорока, курившая у открытого окна, заботливо спросила:

- Вам плохо?

- Нет-нет. Вы знаете эту девушку?

- Милу? Конечно. А в чем дело?

- Она не заболела?

- Вроде с утра выглядела здоровой. Да что случилось?

- Понимаете, она сидит в одной комнате с Олесей Константиновной...

Женщина кивнула:

- Да, их кабинет в конце коридора.

– Ну так вот, Мила со мной раньше никогда не здоровалась, а сейчас была так приветлива! Осыпала комплиментами.

Собеседница рассмеялась и выбросила окурок во двор.

– Вы ведь наш автор!

– Вроде того.

– Поздравляю!

– С чем?

– Наша Мила точный барометр. Если не замечает вас – дело плохо. А коли она приветлива, ваш рейтинг в издательстве сильно вырос. Так что советую не расслабляться, а быстро писать новую книгу. Думаю, Виола Ленинидовна, она продается так же хорошо, как и первые две.

– Мы знакомы? – удивилась я.

– Я делала обложку на «Гнездо бегемота», – пояснила толстуха и исчезла за дверью ближайшего кабинета.

Я посмотрела ей вслед. Советы все давать умеют, нет бы подсказать, где взять материал для нового романа! Тяжело вздохнув, я добралась до нужного кабинета и сунула голову внутрь.

– Можно?

Невысокий парнишка, худощавый блондин со слегка длинноватым для узкого лица носом, быстро сказал:

– Входите, Виола Ленинидовна, жду, меня зовут Федор.

– Тогда я просто Виола.

– Ну что вы, – закривлялся паренек, – я никак не могу называть по имени известную писательницу.

– Не такая уж я и знаменитая, думаю, что если спросить людей в метро, кто такая Арина Виолова, то вряд ли они сообразят, что это автор двух криминальных романов.

– А вы хотите стать известной? – посерьезнел Федор.

– Не отказалась бы.

– Вот и отлично, именно за этим я и позвал вас. Кстати, я заведу отделом рекламы и пиара издательства, нам следует придумать для вас имидж.

– Что? – не поняла я.

– Слышали высказывание: «Реклама – двигатель торговли»? – улыбнулся Федор.

– Конечно.

– Книги – это товар, и наша задача продать его как можно больше. Вы очень хорошо стартовали, при условии, что станете писать регулярно...

Я поежилась. Господи, ну почему в голове пусто? Отчего меняхватило только на фразу: «В тот вечер шел дождь»?

– ...быстро войдете в десятку самых читаемых авторов, – мирно продолжал Федор, – к вам начнут ходить журналисты, кстати, вот уже один, Сергей Сысоев, настойчиво просит ваш телефон. И что вы ему про себя расскажете?

– Ну... что... – замялась я, – правду.

Федор ухмыльнулся:

– Какую?

Я удивилась:

– Разве она бывает разной? Просто правду – о себе, родителях... Он же, наверное, сам станет расспрашивать?

– Милая Виола Ленинидовна, – проникновенным голосом произнес Федор, – расскажите сначала мне о себе ту самую правду, которую собирались изложить Сысоеву.

Глава 4

Я пожала плечами:

– Ничего особенного в моей биографии нет. Училась в школе, хорошо знаю немецкий язык. Высшего образования у меня нет, потому что умерла мачеха и пришлось зарабатывать на жизнь.

– И где вы работали?

Мне стало смешно.

– Вначале в метро, мастером машинного управления.

– Кем? – удивился Федор. – Машинистом?

– Нет, конечно, уборщицей, просто в подземке так красиво зовут поломоек. Потом чистила ковры в Доме моделей... всего и не перечислить. Впрочем, могу принести трудовую книжку. Последние годы преподавала немецкий, частным образом, детям.

– А кто ваши родители?

– Мать была осуждена и давно умерла. Отец тоже сидел, но сейчас ведет себя вполне прилично, работает в фирме, производящей мебель. Он женат вторым

браком.

- Вы сами замужем?

- Мой супруг, Олег Куприн, милиционер.

Федор сморщился:

- Не пойдет!

- Что?

- Все.

- Что именно?

- Ну, ваша биография.

- Почему?

- Муж-милиционер есть у Кати Троновой.

- Да? Очень интересно. А почему у меня его не должно быть?

Федор скорчил гримасу.

- Отец-уголовник у Лехи Королева. Там мы вообще построили рекламную кампанию на том, что Леха родился на зоне. Очень здорово вышло. А теперь появляетесь вы! Да, придется думать над новой анкетой.

И он принялся с сосредоточенным видом постукивать остро отточенным карандашом по клавиатуре компьютера.

- Но почему у меня не может быть мужа-милиционера? - тихо удивлялась я.

Федор снисходительно улыбнулся.

– Потому что рекламная кампания Кати Троновой строилась на том, что ее супруг, кстати, он простой преподаватель Академии МВД, рассказывает женошке самые, самые, самые классные случаи. А теперь еще и ты с ментом! Мы что, издательство при легавке?

Я отметила, что парень перестал «выкаты», и вздохнула:

– Господи, как же повезло этой Кате! Мой Олег, хоть и настоящий майор, заваленный по брови уголовными делами, никогда ни о чем не рассказывает, прямо слова не выдавишь!

Федор вытащил из футляра трубку.

– Каткин Иван олух. Максимум, что он способен растрепать, это то, какое пиво продают в киоске возле дома. Наверное, твой муж – хороший профессионал, но одна писательница, жена мента, уже есть, второй не надо, ясно?

– Вы меня выгоняете? – испугалась я.

Федор сосредоточенно раскурил трубку.

– Не блажи! Кто же выставит за дверь пишущего автора. Надо просто крепко подумать. Ясно одно: мужа надо менять. И вообще, зачем он тебе?

– Кто? – растерялась я.

– Муж.

– Предлагаете развестись?

– Нет, конечно, – хмыкнул Федор. – Просто придумаем новую биографию. Ну, допустим, ты – дочь рано умерших родителей. Отец всю жизнь провел в Африке, он изучал там местные племена и в результате сгинул в диких джунглях.

- Джунгли, кажется, не на этом континенте, – робко заметила я.

- Погоди, это я так, к примеру. До пятнадцати лет ты воспитывалась в деревне Мамбо-тонго, свободно владеешь наречием кумбо.

- Про такое я даже не слышала!

Федор хихикнул:

- А его и нет. Только кто сумеет проверить? Не перебивай. Потом твои родители поехали на охоту на слонов и погибли. Ты вернулась в Москву. Здесь можно рассказать о бедах. Денег нет, помочь некому, пришлось мыть полы. Народ такое любит. Люди ваще тащатся от чужих неприятностей. Может, сделать из тебя инвалида?

На всякий случай я отодвинулась от его стола: ей-богу, парень, похоже, сумасшедший!

- Но потом, – тархтел Федор, – потом, однажды ночью, тебе приснился покойный отец, который начал диктовать криминальные романы, и жизнь заиграла яркими красками, потому что папенька не только наговорил книгу, а еще и посоветовал обратиться в самое лучшее на свете издательство «Марко». Усекла?

- Ну...

- И ваще ты вся такая... в перьях.

Я вновь на секунду потеряла дар речи.

- В чем?

- Ну, одеваешься экстравагантно, куришь сигареты с мундштуком, спишь на полу, привыкла в Африке. Питаешься фруктами: ананасами, бананами, манго и коа-коа.

- А что это такое, коа-коа?

– Понятия не имею, – заржал Федор, – тебе лучше знать. Кто из нас вырос в диком племени? Сама понимаешь, муж-мент сюда не катит! Ладно, ступай домой, завтра в пять жду у себя. Имей в виду, нас в отделе шесть человек, слушаться надо всех.

– Но зачем весь этот спектакль? – я попробовала слабо сопротивляться. – Почему бы мне спокойно не жить Виолой Таракановой?

– Ариной Виоловой, – поправил Федор, – детективы пишет не Виола Тараканова, а Арина Виолова. Так вот, мой дружочек, твоя биография неинтересна, никому не нужна. А мы должны возбудить любопытство, заставить людей шептаться: «Вы слышали, Виолова-то!» Вследствие этого вырастет тираж твоих книжек, мы хорошо заработаем, выплатим тебе отличный гонорар, ты купишь мужу-менту личное отделение милиции...

Федор расхохотался. Я смотрела на него во все глаза.

– Ладно, – парень стал неожиданно серьезным, – пошутили – и будет, значит, завтра в семнадцать ноль-ноль познакомим общественность с концепцией твоей рекламной кампании. Вызову-ка я сюда Сысоева и сам дам ему первое интервью. А ты завтра купи газетку «Сплетник», полюбуешься. Главное, что я понял, – ты хочешь стать известной и готова помогать нам.

В полном обалдении я выпала на улицу, добрела до метро и уставилась на новенькую «Экспресс-газету». Через всю обложку шел огромный красный заголовок: «Смолякова глушит коньяк бочками. Известная писательница топит страх в алкоголе». Чуть ниже виднелись синие буквы: «Певца Марио ограбили. У парня сперли коллекцию тараканов, которую он собирал с детства».

Я купила газету, спустилась в метро и принялась перелистывать страницы. Честно говоря, до сих пор я считала, что люди искусства просто не умеют себя вести. Ну звездит у них в голове, поэтому устраивают скандалы в ресторанах и гостиницах, без конца меняют партнеров и заводят в качестве домашних любимцев аллигаторов. Но сейчас мне в голову неожиданно закралась иная мысль: что, если у них есть такие Федоры, которые придумывают рекламные трюки? Может, на самом деле певцы, артисты и музыканты тихие люди, любящие по вечерам смотреть телик?

К Вике Виноградовой я хотела поехать утром, но, проснувшись, обнаружила, что таинственным образом, во сне, получила насморк и кашель. Термометр равнодушно показал 37,5. Представляете, как я обозлилась, сообразив, что теперь придется просидеть пару или тройку дней дома? Визит пришлось временно отложить и сидеть над кастрюлей с горячей картошкой, осторожно вдыхая пар.

К Вике я попала только через несколько дней.

Утром я, правда, попыталась посидеть за письменным столом и даже лихо написала еще одну фразу: «Кругом стояли лужи». Теперь текст выглядел так: «В тот вечер шел дождь. Кругом стояли лужи». Но на этом вдохновение исчерпалось. Я сломала от злости ручку «Бик» и отправилась на Реутовскую улицу. Скорей всего, Виктория на работе, но мне она не нужна, просто брошу письмо в ящик.

Подъезд оказался заперт, дверь щетинилась домофоном. Не успела я подумать, что делать, как щелкнул замок, наружу вышел парень, а я очутилась в темном, холодном подъезде.

Нужная квартира была расположена прямо тут, на первом этаже. Я хотела позвонить, но дверь распахнулась, и в проеме появилась женщина с большой сумкой.

– Вы Вика? – спросила я.

– Ее в больницу положили, – ответила тетка.

– Как? – удивилась я. – Когда?

– Сегодня ночью, вернее, утром, – пояснила незнакомка, пытаюсь запереть замок. – Черт, он не поворачивается!

– Дайте попробую, у нас такой же, там надо ключ канавкой вверх засовывать.

Женщина протянула мне связку.

– Что случилось с Викой? – поинтересовалась я, гремя замком.

Тетка устало ответила:

– Отравилась, подробностей не знаю. Я санитаркой в токсикологии работаю. Виноградову привезли около трех утра. Ей к девяти полегче стало, она мне ключи дала и попросила из дома кой-чего привезти: ну, халат, тапки, дезодорант. А вы ей кем приходитесь?

Я хотела было сказать: «Подругой, вот, пожалуйста, передайте Вике письмо», но отчего-то осеклась и произнесла совсем другую фразу:

– Да никем, мы еле-еле знакомы. Работаем в одной конторе. Вика вчера по случайности ключи от сейфа уволокла, а сегодня на работу не явилась, вот хозяин меня и послал узнать, что к чему. Больница-то далеко?

– Рядом, две остановки на автобусе, близко совсем.

– Тогда пошли, помочь вам нести сумку?

– Да она легкая, – ответила тетка, – просто здоровая с виду. Неудобно у постороннего человека в вещах рыться, вот я и схватила торбу, которая в прихожей стояла. Как вас звать-то?

– Таня, – ляпнула я, – Таня Иванова.

И я снова удивилась про себя. Господи, да я становлюсь самой настоящей вруньей, ну отчего не назвала приветливой бабе свое настоящее имя?

– А я Анна Петровна, – улыбнулась санитарка, – всю жизнь по больницам полы мою. Собачья работа, скажу тебе, зарплата маленькая, вот и приходится крутиться, чтобы деньжонок нарыть. Кому судно подашь, кому палату лишний раз протрешь или вот за вещами сгоняешь, копеечка к копеечке, получается рублик.

Сказав последнюю фразу, Анна Петровна поставила сумку на асфальт и провела рукой по растрепавшимся волосам.

Мои глаза скользнули по ее тонким, бледным пальцам... Что-то показалось странным... Но тут, испуская удушливую вонь, подкатил автобус, и мы стали втискиваться в переполненное нутро. Анна Петровна не обманула. Путь действительно занял всего пять минут.

– Вот она, больничка, за супермаркетом, – сообщила санитарка, когда мы, слегка помятые, выбрались наружу, – тебе через главный вход идти, а мне с тылу, где сотрудники просачиваются. Ну, пока, может, еще встретимся.

Я потянула на себя тяжеленную дверь, оказалась в просторном холле и увидела небольшое окошечко с надписью «Справочная».

– Скажите, в какой палате лежит Виктория Виноградова?

Бабка в белом халате, сидевшая по ту сторону стекла, нехотя отвлеклась от книжки. Она перевернула карманное издание переплетом вверх и шмякнула его около допотопного черного телефонного аппарата. Я невольно бросила взгляд на фамилию автора и испытала укол совсем не белой зависти. Смолякова! Ее читают везде.

– Справки выдаем лишь ближайшим родственникам, – каменным голосом ответила бабулька.

– Я сестра Виноградовой.

– Покажи документ.

– Извините, паспорта нет.

– На «нет» и суда нет! – рявкнула старушка и погрузилась в Смолякову.

– Будьте добры, – я решила предпринять еще одну попытку.

Но бабушка молча опустила занавеску. Перед глазами закачалась табличка: «Перерыв двадцать минут». Поняв, что ничего не узнаю, я подошла к милиционеру, сторожившему вход.

- Можно войти?

- Пропуск, - лениво сказал он.

- У меня нет.

- Вход только по разрешению врача.

- Но как же продукты передать?

- Посещение больных с семнадцати до девятнадцати, - довольно вежливо пояснил парень.

- Мне в пять часов нужно быть совсем в другом месте!

- Это не ко мне, - покачал головой охранник, - есть пропуск - пуцу, нет - приходите в установленное время.

Потерпев полное фиаско, я решила попытать счастья в окошке, над которым красовалась надпись: «Прием передач».

- Не могли бы вы взять у меня это письмо? - робко попросила я женщину примерно моих лет.

Та отложила книгу. Вновь Смолякова!

- Номер палаты и какое отделение?

- Токсикология, а в какой палате лежит, не знаю.

- Спросите в «Справочной».

- Там только родственникам сведения дают.

- Вы предлагаете мне бегать по коридору, размахивая конвертом? - окрысилась тетка. - Во народ, обнаглели совсем.

И она тоже опустила занавеску. На этот раз появилась табличка: «Идет разнос полученных передач. Новый прием через два часа».

Я вышла во двор и увидела ларек, бодро торгующий всякой всячиной: домашними тапками, халатами, печеньем, газетами.

Секунду я рассматривала ассортимент, а потом сообразила, как поступить.

Через пару минут, купив красные клетчатые тапки с помпонами, я нацепила их на ноги, сунула босоножки в пакет, бросила сверху две газеты, пачку дешевого печенья и отправилась искать служебный вход. Дверь обнаружилась в углу здания, возле нее читал журнал кабаноподобный дядька.

– Эй, ты куда? – бдитительно притормозил он меня.

Я выставила вперед пакет.

– Да во двор за газетками сбегала, опять же сладкого захотелось, тут к чаю ничего не дают хорошего!

Секьюрити скользнул глазами по моим ногам, обутым в уродские тапки, и вздохнул:

– Ступай себе в палату, нечего по улице шляться, если лечиться приехала.

Я ужом проскользнула внутрь здания и полетела искать токсикологию. Наверное, Анна Петровна на работе, она покажет мне палату Вики Виноградовой.

Оказавшись в длинном коридоре, я остановила молоденькую медсестру с эмалированным лотком в руках:

– Где мне найти Анну Петровну?

– Спросите на посту, сведения о больных у них, – весьма приветливо ответила девушка.

- Мне нужна ваша санитарка.

- Кто? - удивилась медичка.

- Нянечка Анна Петровна.

- Такой тут нет.

- Как?

- Очень просто. В нашей смене баба Клава, есть еще Ольга Николаевна и Серафима Сергеевна. Если хотите договориться об уходе, идите сейчас в процедурную, баба Клава там пол моет!

Страшно удивившись, я пошла в указанном направлении и нашла в резко пахнущей лекарствами комнате кругленькую бабуську, бодро шлепавшую тряпкой по мокрому линолеуму.

- Вы Клавдия... простите, не знаю отчества.

- Зови бабой Клавой, - улыбнулась старушка, - чего тебе? Говори, не стесняйся, беру недорого, за сутки пятьдесят рублей. Работу исполняю честно. Кто у тебя тут? Пригляжу, как за родным.

- Вы не подскажете, где найти Анну Петровну?

- Это кто ж такая? - удивилась нянечка.

- Она мне сказала, что работает санитаркой, пообещала за моей подругой поухаживать, взяла сто рублей и пропала!

Баба Клава оперлась на швабру.

- Нету тут никаких Анек... Хотя постой, вот гнида!

- Вы кого имеете в виду?

- Да Анька из нейрохирургии! - воскликнула нянечка. - Она это, больше некому. Анна Петровна, с третьего этажа. Ишь, пройда, чего надумала! Клиентов моих отбивать. То-то она сегодня по нашему коридору шмыгала взад-вперед, взад-вперед. Я еще подумала: что ей тут надо? Ступай в нейрохирургию, забери свои деньги. Аньке никто не позволит в токсикологии за людьми приглядывать, да и прошу я меньше, всего полтинник.

Я спустилась на этаж ниже, потыркалась в разные двери и наконец попала в сестринскую. Очень высокая и излишне полная женщина буркнула:

- Ищете кого?

- Мне бы Анну Петровну, санитарку.

- Ну, слушаю!

Я растерялась. Эта Анна Петровна совершенно не походила на женщину, которая несла сумку.

- Это вы?

- Да.

- Анна Петровна?

- Именно.

- Другой нет?

Санитарка шумно вздохнула:

- В этой смене работаю я.

- Нет ли другой какой Анны Петровны?

– У нас нет.

– А в больнице?

– Тут пятнадцать отделений, – обозлилась нянечка, – всех знать невозможно.

Сказав эту фразу, она схватила чашку и залпом выпила ее. Я невольно проследила глазами за ее широкой ладонью с короткими, потрескавшимися от тяжелой работы пальцами и обломанными ногтями и вдруг ощутила укол тревоги. Я поняла, что насторожило меня, когда женщина, несшая сумку, поставила ее на асфальт в ожидании автобуса. У той Анны Петровны были тоненькие беленькие пальчики с красиво наманикюренными, покрытыми красным лаком ноготками. Каким это образом, работая поломойкой, можно иметь длинные ногти с необлупившимся лаком?

Глава 5

Чувствуя все возрастающую тревогу, я вернулась в токсикологию и спросила у медсестер на посту:

– В какой палате лежит Виктория Виноградова?

Девушки переглянулись. Потом одна осторожно осведомилась:

– А вы ей кто?

– Близкая родственница.

Девчонка насупилась.

– Ступайте к врачу. Семен Михайлович в ординаторской.

Я вновь пошла в другой конец коридора. Честно говоря, прогулки по воняющему хлоркой линолеуму начали меня утомлять. Ну отчего просто не сказать номер палаты? Зачем гонять человека взад-вперед?

Услыхав, что к нему явилась близкая родственница Виноградовой, врач велел:

– Садитесь.

Я плюхнулась на железную, круглую, выкрашенную белой краской табуретку.

– Виктория скончалась.

Я чуть не свалилась на пол.

– Когда?

– Официальное время смерти шесть утра, – со вздохом сообщил доктор. – Мы старались как могли, но отравление грибами – очень серьезное дело. Люди такие беспечные, сколько твердим: не покупайте банки у частного изготовителя, с рук, у неизвестных бабок. Нет, тянет народ на вкусненькое!

– Вика отравилась грибами? – недоумевала я. – Какими? Ведь только самое начало сезона?

– Маринованные купила вечером у какой-то женщины, – пояснил Семен Михайлович, – отварила картошечки, салатик сготовила и навернула от души с грибочками. Да еще соседку угостила.

– И та тоже умерла?

– Нет. Нина Ивановна грибы не ела, только картошку с помидорами. У нее аллергия на этот продукт, что ее и спасло, иначе бы имели два трупа! – пробормотал доктор. – Частое дело. Бабки-то не соблюдают никаких правил, закатывают в плохо простерилизованные банки. Хранят без холодильника. Даже в промышленных условиях не исключена возможность попадания в консервы инфекции, а уж в домашних! Привезли Виноградову около трех. Рвота, понос, бронхоспазм, брадикардия – типичная картина. Обычно мы выводим из таких

состояний, но тут не выдержало сердце. Соседка как узнала, едва сама сердечный приступ не получила.

Я повозила пальцем по клеенке.

– Ужасно! Не знаешь, что и сказать!

– Тело можно будет получить только завтра, – деловито ответил врач.

– Как, вы говорите, зовут соседку?

– Нина Ивановна Иванова. Очень нервничала, бегала по коридору, словно предчувствовала беду.

Я вышла на улицу и принялась соображать. До Реутовской улицы пять минут езды, кстати, вот и автобус подкатывает. В издательстве следует быть в пять часов. Вполне успею поболтать с Ниной Ивановной...

Оказавшись вновь в подъезде, я призадумалась. Номера квартиры Нины Ивановны-то я не знаю. Но, скорей всего, она живет возле Вики.

На лестничную клетку выходило четыре двери. Я позвонила в крайнюю. Высунулся мальчишка лет двенадцати.

– Вам кого?

– Позови Нину Ивановну.

– Тут таких нет, – сообщил ребенок.

– Тогда подскажи, где она живет, – попросила я, – пришла в гости и забыла номер квартиры.

– Вон там только Вика, – зачастил паренек, – около нее дядя Володя и тетя Валя Степанцевы. А в сорок девятой Люся с дочкой, больше никого.

- Ты всех соседей знаешь?

Подросток кивнул:

- Ага, конечно, народу немного. Пять этажей только.

- А Нина Ивановна на каком?

Мальчишка призадумался, потом решительно ответил:

- В нашем подъезде таких нет!

- Точно?

- Зуб даю. Есть Нина на четвертом, но ей всего три года.

Я вышла во двор. Вовсе не обязательно дружить с теткой из соседней квартиры, вполне вероятно, что Нина Ивановна обитает в другой части дома. На скамеечке в чахлом палисадничке сидела девушка с коляской.

- Простите, - тихо спросила я, - вы из какого подъезда?

Молодая мать отложила книгу. Угадайте с трех раз, кто был автором затрепанного детектива?! Естественно, Смолякова! Я, в принципе, не испытываю чувства зависти. Кое-кто из моих подруг щеголяет в норковой шубке и носит на пальчиках хорошенькие брильянтовые колечки. Мне же вполне комфортно в пуховике, а украшения мешают, даже тонкое золотое кольцо, подаренное в день свадьбы Олегом, я надеваю очень редко. Но сейчас из глубин души поднялось нечто темное, со звериным оскалом. Эта Смолякова! Ну что в ее книжках особенного?! Отчего вся страна сошла с ума от незатейливых историй? И где она нарыгает сюжеты? Где?!!

- Из второго, - ответила девушка.

- Подскажите, в какой квартире живет Нина Ивановна?

Собеседница покачала коляску.

- В нашем такой нет.

- Нина Ивановна Иванова... неужели не знаете?

- Не-а, - протянула девушка, - может, в третьем? Хотя... на первом этаже там теперь салон красоты открыли, какая-то тетка выкупила все квартиры. Может, ваша Нина Ивановна там? Среди жильцов такой точно нет!

- Вы так категорично говорите, неужели со всеми знакомы?

- Конечно, всю жизнь на одном месте. Нины Ивановны нет. Есть Иванова, но она Лена. У нас тут Нин нету, только малышка из первого подъезда.

Скорей всего, молодая мама говорит правду. Я сама большую часть своей жизни провела в такой же пятиэтажке и великолепно знала не только всех жильцов, но и то, какой суп они станут есть вечером, придя с работы домой.

Оставалась слабая надежда на то, что Нина Ивановна работает в салоне с интригующим названием «Счастье русалки».

Я обогнула дом, вошла в парикмахерскую и сразу ощутила приятную прохладу - в холле вовсю работал кондиционер. Элегантная дама, сидевшая за столиком, окинула меня оценивающим взглядом. Скорей всего, ей сразу стало понятно, что моя футболочка приобретена на Черкизовском рынке, а брюки в ближайшем переходе, но она безукоризненно вежливо сказала:

- Добрый день. Вы записаны?

- Да, на стрижку к Нине Ивановне.

Администратор удивилась:

- Но у нас нет такого мастера.

– Извините, она маникюрша!

– Вы же сказали, на стрижку.

– Оговорилась.

– Но в салоне нет ни одного человека с таким именем и отчеством.

Я старательно изобразила замешательство:

– Да? Ей-богу, странно. Вчера звонила.

Дама призадумалась, потом радостно воскликнула:

– В конце улицы есть еще один салон, «Карина», вам, наверное, туда.

– Да-да, – заулыбалась я, – точно.

Когда я вышла на улицу, женщины с коляской уже не было. Я села на ее место и призадумалась. Однако странная вырисовывается картина. Сначала я сталкиваюсь с санитаркой Анной Петровной, а потом выясняется, что такой нет. Кстати, самозванка несла большую сумку. Интересно, чем был набит саквояж? Явно не вещами для бедной больной. Может, Анна Петровна – обыкновенная воровка, которая не растерялась, когда ее застали на месте преступления? Но откуда у тетки ключи от квартиры? И потом, она привела меня в больницу, значит, знала, что Вика находится в клинике. Еще более странным выглядит тот факт, что Вику в больницу сопровождала несуществующая соседка. Может, доктор Семен Михайлович ошибся? Вероятно, женщина представилась подругой или коллегой по работе.

Ясно одно: письмо передавать некому. Отравилась грибами! Надо же быть такой идиоткой: купить жарким летним вечером самодельные консервы. Ей-богу, у некоторых людей просто нет головы! Банки наверняка весь день жарились на солнышке, представляю, что завелось в маринаде! Ладно, пора ехать в издательство.

Я встала и собралась уже идти к метро, но тут сообразила, что в руках нет сумочки. В полной растерянности я посмотрела на свои руки и понеслась назад, в подъезд, где жила несчастная Вика Виноградова. Скорей всего, я обронила сумку там.

Абсолютно не надеясь на то, что ридикюль поджидает меня, я вбежала на лестничную площадку и увидела свою сумочку, валяющуюся возле квартиры Вики. Самое интересное, что внутри все оказалось в целости и сохранности: деньги и мелочь не тронул никто. Либо тут жили суперчестные люди, либо просто никто не заметил сумку.

- Что вы тут топчетесь? - раздался голос слева.

Я повернула голову. В приоткрытом дверном проеме стояла довольно полная дама в цветастом фартуке со скалкой в руках. Мне стало смешно: ну отчего женщины считают обструганную деревяшку грозным оружием?

- Простите, пожалуйста, если напугала, - улыбнулась я, - но вот пришла к Вике, договорились о встрече, звоню, звоню, никто не открывает.

- Ой, мамочка! - всплеснула руками женщина. - Вы не знаете?

- Что? - на всякий случай спросила я.

- Ну бабы! - раздалось справа, и на лестницу высунулся дядька в грязной майке. - Устроили, блин, базар! Орете, чисто пингвины! Промежду прочим, я с ночи пришел, отдохнуть хочу!

- Тебе бы, Вовка, только спать да жрать, - возмутилась соседка, - беда-то какая!

- Чево случилось? - зевнул мужик. - Кот у тебя сдох? Так давно ему пора, старый совсем.

- Типун тебе на язык, - обозлилась соседка, - здоровехонек Кузя, как никогда. Вика умерла, Виноградова.

Мужик, сосредоточенно чесавший свою грудь, разинул рот.

- Врешь! Я ее вчера утром видел, веселая такая шла.

- Вот и нет! Ночью померла.

- Откуда знаешь?

- Так подруга ее рассказала! Так плакала, убивалась, еле квартиру открыла.

- Какая подруга? - насторожилась я.

- Давай, Валька, рассказывай, - забубнил Володя.

- Я человек бдительный, - подбоченилась Валентина, - не то что некоторые, за порядком слежу.

- Да знаем мы, - отмахнулся Володя, - целый день у «глазка» сидишь! Дело говори.

- А ты слушай! - окрысилась Валентина. - Утром гляжу, совсем рано, баба дверь Викину открывает, ну я и спросила ее: чего надо? Женщина, с трудом сдерживая рыдания, пояснила: «Вика умерла. Купила у метро грибов, поела и отравилась. Я ее подруга, за вещами приехала, из больницы!»

Валентина просто обомлела от такой новости.

- Вот оно как бывает, - качала она сейчас головой, - только что была - и уже померла, все под богом ходим!

- Бог тут ни при чем, - вздохнул Володя, - дурой не надо быть. У нас в деревне тоже родственница отравилась. Сама грибочки закатала, для себя делала - и ау! Мы с женой теперь только варенье варим!

- А как звали подругу? - тихо спросила я.

- Аней представилась, - ответила Валентина.

– Вы ее раньше видели?

Валя покачала головой:

– Не-а, в первый раз встретились. Вот как бывает! В один час померла!

– У меня племяш водки купил в ларьке и тоже спустя полсуток отъехал, – зевнул Володя.

– Тебе бы только про ханку и говорить, – обозлилась Валентина.

– А делать-то че? Под дверью сидеть, как ты? – парировал Володя.

– Дурак!

– Сама дура!!!

Спокойный разговор стихийно перерос в скандал. Не дожидаясь, пока милые соседи вцепятся друг другу в волосы, я ушла.

Добравшись до метро, я спустилась на станцию. С ревом и грохотом подкатил поезд. Я вошла в полупустой вагон и устроилась на сиденье. Надо же, четыре часа, а давки нет, можно спокойно посидеть, почитать.

Я раскрыла сумочку, намереваясь вытащить карманное издание серии «Русский бестселлер», но пальцы наткнулись на конверт. Пару секунд я колебалась. Вообще говоря, никогда не вскрываю чужих посланий, ну нет у меня привычки читать не предназначенные для меня письма. Но вся история со смертью Любви Кирилловны Боярской и отравлением Вики Виноградовой стала казаться мне крайне подозрительной. Ни отправителя, ни адресата более нет в живых.

«Дорогая Викуша, уж и не знаю, буду ли я жива, когда ты получишь это письмо. Дело настолько серьезно, что побоялась даже намекнуть в чате о том, в какую дурацкую ситуацию влипла. Единственным оправданием моей безголовости служит тот факт, что «Твои грезы» требовали расширения, а следовательно, вложения капитала. Деньги-то где брать? Оставаться работать в палатке не хотелось, да и какой доход от ларька. Вот я и рискнула, заняла пиастры у Инги

Горской, переехала в другое помещение, открыла новые отделы: белье, лекарства, приколы, думала, покупатель валом повалит. Но нет! Так, заглянут, похихикают и уйдут. Даже в будке народу было несоизмеримо больше. Честно говоря, я не понимаю, отчего такое произошло. В общем, я растерялась и сделала новую глупость. Вместо того чтобы отдать Инге часть долга, вложила прибыль, кстати говоря, очень небольшую, в рекламу. Думала раскрутиться, но опять вышел облом.

Я задергалась, заметалась, но тут появился этот Треш из чата с деловым предложением заработать. Он каким-то образом вошел в мою «аську»[2 - «Аська» - программа ICQ, позволяющая двум людям вести приватный разговор посредством компьютера.] и спросил:

- Хочешь бабок нарубить? Дело на десять тысяч баксов.

Я знаю, что ты сейчас подумаешь, но мне просто очень нужны были денежки, вот я и попросила его рассказать поподробней. Дело оказалось пустяковым, Треш предложил мне помочь ему в доставке товара. Надо встретить в Шереметьеве парня с коробкой, в ней наркотики, и отвезти по указанному адресу. За одну ходку мне полагалось десять тысяч. Эта сумма решила бы часть моих проблем, и я согласилась.

Представляю, как ты сейчас носишься по своей квартире и орешь: «Дура! Кретинка безмозглая!»

Пойми, мне жутко были нужны деньги.

И куда было деваться? Продавать квартиру? Съезжать в однокомнатную халупу? Вместе с мамой и Алиной? Представляешь, какая славная житуха! Да и дело казалось пустяковым, просто взять товар и передать коробку одному человечку. Кстати говоря, первая часть операции прошла без сучка без задоринки. Я получила коробку, не вызвавшую ни у кого никаких подозрений, и отвезла ее по указанному адресу. Женщина, взявшая посылку, вскрыла ее, и тут выяснилось, что товар пропал. Якобы в коробке нет пакета с героином и я теперь должна отдать сто тысяч долларов. Ни больше, ни меньше.

Я попыталась отбиться, сказала, что не распечатывала упаковку и не проверяла. Может, героин исчез еще до отправки в Москву или его украл курьер? Но Треш

категорично ответил:

- Порошок с...а ты. С остальными я имею дело не в первый раз, отдавай лавэ, иначе худо будет.

И теперь я понимаю, что меня убьют. Можно попытаться скрыться, но парень или девка, кто его знает, какого пола человек с ником[З - Ник - псевдоним, который берет человек, чтобы общаться в Интернете. Шапочка может оказаться лысым дядькой. Великий Дракон - 12-летней школьницей, а Оторва Зеленая - почтенной, сорокалетней матерью семейства.] Треш, конкретно сообщил:

- Даже не вздумай убегать, потому как имеешь мать и племянницу.

Оказывается, он обо мне все знает. Так что меня загнали в угол, счетчик тикает, и никакого просвета не видно. Скорей всего - меня убьют.

Викуля, знаю, что ты тоже ходишь в чат «tu.ru». Так вот, заклинаю тебя, забудь это место и никогда не имей дела с человеком под ником Треш. Письмо это я побоялась отправить через e-мэйл и не доверила обычной почте. Попросила Алину съездить и передать тебе лично, когда вернешься. Сейчас я лежу в больнице и, скорей всего, умру. Проклятый Треш ухитрился меня отравить, только я не понимаю как, магазин достанется Инге Горской. Я переписала его на нее за долги. Вот видишь, какой ужас получился! Алину надо поставить на ноги. Думаю, моя песенка спета. Не сегодня-завтра встречу с Анютой, и она меня спросит: «Ты что же, сестричка, не сумела поднять Алину? Ведь я доверила ее тебе, умирая».

Похоже, мне не будет покоя и на том свете. Прощай, Викуля, не поминай лихом и хотя бы раз в полгода навещай маму с Алиной. Вы, правда, незнакомы, но, думаю, если приедешь и скажешь, что ты - Виктория Виноградова, мамочка очень обрадуется. Она считает тебя положительной и серьезной, в отличие от меня, раздолбайки. Честно говоря, я обижалась на маму, когда она заводила песню с рефреном: «Зачем тебе магазин! Боярские всю жизнь шли в науку».

Но теперь стало понятно: мама была права. Мне не следовало заниматься коммерцией, видишь, как все получилось, хуже некуда. Твоя несчастная Любаша».

Я сунула письмо в сумочку, выскочила на платформу и побежала в издательство. Вот оно что! Любу Боярскую и впрямь убили. Да, жаль, я не успела поговорить с Викой Виноградовой, она, наверное, могла много интересного рассказать о подруге.

Вынырнув из подземного перехода, я налетела на лоток с книгами. Сразу зарябило в глазах. Смолякова, Смолякова, Смолякова... Нет, я просто с ума сойду! За то время, что я пытаюсь найти сюжет, она выпустила уже две книги! Даже не обладая чувством зависти, заскрипишь зубами от злости! Мне-то что делать?

Вдруг в голове вспыхнул свет. Господи, ну как я раньше не догадалась! Вот же она, моя новая книга, следует только найти убийцу Любы Боярской. Торговля наркотиками – это же страшно интересно! То есть я хотела сказать, что читателям будет очень увлекательно следить за перипетиями повествования!

Внезапно у меня появилось хорошее настроение. Какая чудесная, жаркая погода, по улицам идут красивые, радостные люди, Смолякова пишет великолепные книжки, дай бог ей здоровья, а в издательстве «Марко» сидят классные профессионалы, которые в два счета сделают из меня великую писательницу.

Глава 6

В «Марко» я ворвалась без двух минут пять и ткнулась в крепко запертую дверь Федора. Подергав ручку, я села на подоконник и вытащила из сумочки только что купленный детектив Смоляковой.

– Вот это кадр, – раздался голос, – сейчас возьму «Полароид».

Я подняла голову. Улыбающийся Федор спокойно отпирал дверь.

– И после этого некоторые подлые журналюги говорят о том, что писатели ненавидят друг друга. Любуйтесь, вот сидит Виолова и взхлеб читает Смолякову.

– Она хорошо пишет, – ответила я.

Федор скривился, но потом выставил вперед руки.

– Все! Молчу, молчу! Страна считает Смолякову гениальной, мое мнение никого не волнует. Мы люди маленькие, темные. Наше дело взять автора и превратить в яркую звезду. Ну-ка, заползай. И имей в виду: будешь слушать меня, Смолякова тебе кофе подавать станет.

Я пошла за ним. Федор плюхнулся в кресло.

– Значитца, концепцию придумали. В общих чертах то, о чем говорил вчера. Ты из Африки...

Я слушала его гладкую речь и пугалась. Ну и ну. Мне теперь что – до конца жизни предстоит изображать из себя экзальтированную незамужнюю дамочку, пишущую романы под диктовку привидения?

– Чего молчишь? – рассердился Федор.

– Запоминаю роль, – промямлила я.

– Правильно, – помягчел парень, – не бойсь, на первых порах я всегда буду рядом, а потом освоишься.

В эту минуту дверь открылась, и появился толстый, лысый, одышливый дядечка.

– Степа, – распростер объятия Федор, – как она, жисть?

– Совсем затрахался, – жалобно ответил мужик, – сил нет, а еще в Питер ехать. Может, отложим, а?

– Нет, Степа, – категорично ответил парень, – страна хочет знать своих героев, кстати, знакомься: молодая, начинающая писательница Арина Виолова.

Дядечка вытер платком обширную лысину и церемонно поклонился:

– Очень приятно. Будем знакомы. Артем Беспощадный.

Я не сдержала удивленного возгласа:

– Вы? Вы Артем Беспощадный? Тот, который издается в серии «Спецназ»? У вас такие крутые книги, мой муж их обожает. А когда он прочитал вашу биографию и узнал, что вы прошли Афган и Чечню, владеете почти всеми видами единоборств, стреляете с двух рук и можете водить любое транспортное средство от мопеда до космической ракеты, то заужавал вас чрезвычайно. Эх, жаль, у меня с собой вашей книги нет, а то бы автограф ему принесла.

Артем шумно вздохнул и плюхнулся на стул, широко расставив толстые ноги. Большой живот любителя пива повис почти до пола.

– Федька, дай мою новую книжку, подпишу Арине, – задыхаясь, произнес он.

Когда Беспощадный ушел, я покачала головой:

– Я представляла его совсем другим, похожим на Рэмбо. Вот ведь как интересно, натолкнешься на такого в толпе и не подумаешь, что супермен. Самый обычный толстый дядечка.

– Он и есть самый обычный, не в меру жирный субъект, – заржал Федор. – Рэмбо! Чемпион по швырянию вишневых косточек. Ой, не смей меня! Да Артем всего боится, а больше всего своей жены Ленки, вот уж если кто Рэмбо, так это она. Ладно, недосуг языком болтать. Ща переоденешься, и поедем.

– Куда? – оторопела я.

– В твой любимый ресторан «Там-там». Журналюги ждут к шести. Не беда, опоздаем чуток.

– Зачем?

– Надо поторговать мордой. Маринка, поди сюда!

Последняя фраза была произнесена в телефон. Через секунду в кабинете материализовалась девушка.

- Пойдемте, Арина.

- Но...

- Иди с Маринкой, - велел Федор, - и помни: твое дело подчиняться.

Улыбающаяся Марина привела меня в просторную комнату и протянула пакет.

- Переодевайтесь.

Я вытащила узенькие брючки, похожие на изделие из фольги, и покачала головой:

- Простите, но я такое не ношу.

Мариночка вытряхнула из пакета ярко-красный топик из кружев и босоножки на длинной, устрашающе тонкой шпильке.

- Понимаю, но надо! Ваша одежда не соответствует имиджу.

Тяжело вздыхая, я влезла в попугайский прикид. Человек, купивший мне эти вещи, абсолютно точно подобрал мой размер. Одежда сидела словно влитая, включая туфли. Одна беда - я не могла в них ступить и шагу.

- Не умею ходить на каблуках, - пробормотала я.

- Научитесь, - ответила Марина, - ничего сложного, книги трудней писать! Теперь я вас накрашу и причешу.

Спустя пятнадцать минут я уставилась в зеркало и ойкнула.

- Нравится? - поинтересовалась девушка, роясь в письменном столе.

– Ну... просто офигеть!

– Здорово вышло, – закивала Марина, – теперь это надевайте.

Она с грохотом высыпала из мешочка жуткие железные кольца в количестве шести штук. Два перстня алчно сверкали кроваво-красными камнями, остальные украшал витиеватый орнамент.

– Это что? – испугалась я.

Но Мариночка уже тащила следующий прибабас. Не успела я оглянуться, как железки очутились на пальцах, на шее повисла цепь с медальоном размером с суповую тарелку, а в левой руке оказался длинный-предлинный мундштук с темно-коричневой сигариллой.

– Класс, – заявил ворвавшийся в кабинет Федор, – прямо в точку, двигай в машину.

Пошатываясь, словно циркач на ходулях, я добралась до роскошной лаково-черной иномарки и плюхнулась на слишком низкое сиденье.

Всю дорогу до ресторана «Там-там» Федор поучал меня, как следует себя вести. Чем больше он говорил, тем страшней мне делалось. Совсем плохо стало, когда у входа в кабак я увидела трех мужиков с фотоаппаратами на изготовку.

Федор обежал машину, распахнул дверцу и шепнул:

– Значит, помнишь. Выходишь красиво, мило улыбаешься, киваешь этим парням и молчишь.

Я выставила ногу, оперлась на нее, навесила на морду лица самую сладкую гримасу и попыталась выбраться из кабриолета так, как это делают кинозвезды: легко, непринужденно, обаятельно...

Каблук зацепился за какой-то выступ в плохо положенном асфальте. Я дернулась и шлепнулась на четвереньки. Фотокорреспонденты защелкали аппаратами.

На секунду я растерялась. И что теперь делать? Это совсем не тот элегантный выход, которого от меня ждали.

Но Федор, в отличие от меня, не стушевался.

- Господа, - совершенно спокойно произнес он, - Арина воспитывалась в племени Мамбо-тонго, у его членов существует обычай: если приехал куда впервые, следует в качестве приветствия поцеловать землю у порога. Надеюсь, Арина скоро забудет об этой привычке, потому что, сами понимаете, почва в непромышленной африканской стране и асфальт в Москве - это две большие разницы. Арина, радость наша, остановитесь! В России не следует так уж точно выполнять обычаи!

Сильные руки подняли меня, встряхнули и поставили на шпильки.

- Спасибо, - прошептала я, ковыляя за Федором по лестнице.

- Нема за що, - тихо ответил пиарщик, - кушай на здоровье.

Следующее испытание ожидало меня за столом. В меню оказались сплошь неизвестные блюда: стейк из аллигатора, суп из буйволиных хвостов, жаркое из обезьяны, ростбиф из носорога, уши слона с овощами и таинственное нечто под названием «Крас-тонго».

- Арина чувствует себя тут как дома, - щебетал Федор, листая карту, - милая, что вкусней: обезьяна или аллигатор? Что есть станем? О... кобра в горшочке, пойдет?

- Нет, - пискнула я, чувствуя, как желудок, словно лифт в многоэтажном здании, рвется вверх. - Только не змею.

- Отчего же? - ерничал Федор. - Похоже, их тут хорошо готовят.

Я разозлилась. Он должен мне помогать, а не топить.

– Сейчас не сезон для кобры, ее едят только зимой, в момент, когда пресмыкающееся накопило жир, – бодро соврала я.

Федор удивленно глянул на меня.

– Да? Не знал. Видите ли, я, в отличие от вас, никогда не жил в Африке. Тогда обезьяна на вертеле? Это как? Можно в июне?

– Нет, – взвизгнула я, коченея от ужаса. – Хочу рыбу, вот... мурасу в листьях.

– Нет проблем, – пожал плечами Федор и поманил пальцем почтительно кланявшегося негра. – Значитца, даме рыбку, мне салат из овощей, а вот тем трем дядям...

– Нам чего попроще, – хором сказали журналисты, – водки и мясо нормальное, не аллигатора.

Пока готовили заказ, я давала интервью. Процесс протекал оригинальным образом. Когда журналист задавал вопрос, ну, к примеру: «Расскажите о вашей семье», – Федор мигом начинал отвечать:

– Арина не замужем и не имеет детей, но она считает, что личная жизнь неприкосновенна, и давать комментарии по этому поводу отказывается. Да, дорогая?

Следовал крепкий тычок в бок, и я, словно дрессированная собачка, начинала кивать, приговаривая:

– Да, конечно, естественно.

Потом принесли еду. Корреспонденты с жадностью набросились на угощение, Федор начал лениво ковырять вилкой в салате, я попробовала рыбу. Таинственную мурасу подали целиком. Справа – большая голова с выпученными глазами, слева – хвост, посередине нарезанные куски. Неожиданно рыба оказалась вкусной, и я, не ожидая никаких подвохов, съела один ломоть и хотела приняться за второй. Не успела я воткнуть вилку в мякоть, как голова моргнула глазами.

– Мама! – заорала я.

– Что такое? – подскочил Федор.

– Она моргает!

– Кто?

– Рыба.

– Да-да, конечно, моргает, – начал успокаивать меня подоспевший официант, – не сомневайтесь, мурасу подана, как и полагается, живой, у нас все без обмана.

Чувствуя, что съеденная рыба вновь оказалась во рту, я прошептала:

– Воды.

– Какой? – засуетился негр. – Может, лучше Бумбо?

– Да, – кивнула я, – только скорей, сейчас умру!

Через пару секунд передо мной возник запотевший стакан. Я, игнорируя соломинку, одним махом опрокинула в себя прохладную жидкость. Тошнота слегка отступила. Я глянула в пустой фужер и чуть не лишилась чувств. На дне лежало нечто, больше всего похожее на огромного черного таракана.

Рыба и вода стремительно начали подниматься из желудка вверх. Я вскочила и, спотыкаясь о настеленные повсюду циновки, рванула на поиски туалета.

Слава богу, санузел оказался не африканский, а самый обычный – с чистым, нежно-розовым унитазом и маленькой раковиной. На стене висело огромное зеркало. Я отвернула кран и увидела в посеребренном стекле жуткую морду. Глаза с темно-зелеными веками и слегка размазанной тушью казались огромными, щеки горели лихорадочным румянцем, губы пламенели остатками помады, волосы стояли дыбом, словно их хозяйку шандарахнуло током. В довершение картины у чудовища на груди болталась железная цепь с куском бронзы... Понадобилась целая минута, чтобы осознать, что данный монстр – я.

Пальцами, унированными идиотскими перстнями, я попыталась пригладить лохмы. Господи, а ведь это только начало. Надеюсь, мне не придется остаток жизни таскаться по кабакам, изображая из себя африканку.

Домой я приплелась около одиннадцати, надеясь на то, что Олег, как всегда, задержится на работе. Но, как назло, супруг уже освободился. Он вышел в прихожую и с удивлением спросил:

- Вам кого? Как вы сюда попали?

Я скинула шпильки и плюхнулась на стул, вытянув вперед «фольговые» ноги.

- Жену не узнал? Что, в общем, учитывая твой график работы, не слишком удивительно.

- Вилка, - попятился Куприн. - Что это на тебе надето?

- Пиар, - вздохнула я.

- Что? - не врубился мой майор, не имеющий никакого отношения к рекламному бизнесу.

- Смена имиджа, - растолковывала я, пытаюсь стянуть с пальцев кольца, - ты не пугайся, так одеваться надо лишь на мероприятия, которые устраивает издательство. Просто сегодня я забыла свою нормальную одежду у Марины в кабинете.

- А-а, - протянул Олег.

Я хотела продолжить объяснения, но тут из кухни высунулся Ленинид.

- Эй, доча, - воскликнул он, - приветик! Окрошечку хавать пойдешь?

Я вспомнила моргающую глазами рыбью голову и закричала:

- Нет!

- Чего орешь? – обиделся папенька. – Ничего плохого не хотел, крошечки предложил. Ты на карнавале была?

- Отстань, – прошипела я, борясь с перстнями.

- Пошли, Ленинид, – вздохнул Олег, – холодное в жару – первое дело.

Я чуть не зарыдала, глядя, как они удаляются по коридору. Кольца сидели на пальцах словно прибитые. В прихожую влетела Кристина.

- Ой, Вилка, – девочка пришла в восторг, – какие штаны! Дай померить.

- Сейчас, погоди, – пропыхтела я.

Тут же возник Сеня.

- Ну ты даешь! Что на себя нацепила! Кошмар замка Норфолк!

- Отвали! – рявкнула я.

Из ванной вышла Тamarочка, неся голопоплого Никиту. Мальчонка увидел меня, сморщился и закатился в истерическом плаче.

- Во! – восхитился Сеня. – Ты так чудесно выглядишь, что у младенца родимчик начался.

- Да отвяжись от меня, – заорала я, чувствуя, что сейчас забьюсь в истерике.

Из кухни выглянул Олег.

- Сеня, иди ужинать, брось Вилку. Она теперь писательница, а у них у всех в голове тараканы.

Семен порысил на зов. Кристина, распевая, исчезла в ванной, Томочка уволокла вопящего Никиту в спальню. Я осталась одна-одинешенька. На глаза

навернулись слезы. Вот оно как! Ей-богу, быть знаменитой очень тяжело.

Глава 7

Около полуночи я пробралась в кабинет к Семену и включила компьютер. Честно говоря, я хреновый пользователь. Вообще, в нашем доме самый опытный программист Кристина. Девочка сидит в Интернете часами, в основном по вечерам, когда Сеня и Тamarочка укладываются спать. Впрочем, мы пытались запретить Кристе проводить время у монитора, объясняя это заботой о ее здоровье, но неожиданно натолкнулись на агрессию.

– Это мои глаза, – взвилась Крися, – и вообще, что вам надо? Учусь на одни пятерки, не пью, не курю, сижу дома. Поглядите вокруг, таких, как я, единицы. Или хотите, чтобы таскалась по подвалам с мальчишками?

– Нет, конечно, – испугалась Томочка, – просто от компьютера исходит вредное излучение...

– Фигня, – заявила Кристина, убегая в свою комнату, – ваш телик не лучше!

– По-моему, – подвел итог Олег, – ее надо оставить в покое. У меня был дедушка, так вот, в самом начале двадцатого века он запретил проводить в свой дом электричество, мотивируя это тем, что искусственный свет неминуемо приведет к слепоте и безумию.

Мы послушались Куприна и отстали от Кристины.

Я подождала, пока машина загрузится, набрала адрес чата и увидела строку – «Регистрация. Выберите ник и пароль».

Я почесала в затылке. Ладно, назовусь Белоснежкой, а в качестве пароля напишу наш номер телефона.

«Не пойдет. Подобный ник уже зарегистрирован другим лицом».

Хорошо, пусть будет Дюшка, это кличка нашей собаки.

«Не пойдет, плохой пароль».

Вот ведь зараза какая! Ничего ему не нравится! И так, Дюшка, 777777.

«Попробуйте еще раз».

Я чуть не треснула системный блок ногой. Придется звать на помощь Кристину.

Девочка, зевая, потыкала в кнопки.

«Добрый день, Дюшка, заходи».

– Как тебе это удалось? – восхитилась я.

– Он меня боится, – заявила Кристя и поинтересовалась: – Что же это за чат такой?

– Да вот, – осторожно ответила я, – в издательстве посоветовали, вроде там интересные люди тусуются. Скажи, у тебя есть такая штука – «аська»?

Кристина с уважением глянула на меня.

– Какая ты, Вилка, продвинутая. Когда Интернет включился, слышала паровозный гудок?

– Да.

– Это и есть «аська». Вот сюда, на цветочек, жмешь, появляется табло. А если тебя вызывают, внизу экрана строчка заморгает, кликнешь и общайся сколько хочешь.

Я кивнула:

– Ясно.

- Удачно тебе початиться, - ухмыльнулась Кристя и ушла.

Я попыталась вступить в разговор. Но строчки с ником Дюшка игнорировались участниками беседы, меня не хотели замечать. Напечатав в пятнадцатый раз «Добрый вечер» и не получив ответа, я сдалась и снова вытащила из постели Кристину.

- Как ты мне надоела, - занудила девочка, нажимая на клавиши, - ну с кем тебе охота потрепаться?

- Давай вот с этой Королевой роз контакт наладим. Наверное, с женщиной легче, - предложила я.

- Королева роз запросто может оказаться лысым дядькой или парнем лет десяти, - хихикнула Кристя, - на, дальше сама продолжай.

Я посмотрела на экран.

«Королева. Как дела?»

«Дюшка. Отлично. А у тебя?»

«Королева. Средней хреновости».

«Дюшка. Чего так?»

«Королева. Жизнь доконала».

Ну надо же! Диалог завязался. Минут десять мы болтали ни о чем, наконец я сочла момент подходящим и спросила:

«Ты сюда часто ходишь?»

«Каждый вечер».

«Не встречала человека с ником Треш?»

«Бывает такой, сейчас его нет».

«Он мне нужен».

«Зайди попозже. Треш раньше часа не появляется».

«Сегодня придет?»

«Фиг его знает».

«Как с ним связаться?»

«Понятия не имею».

«У него есть «аська»?»

«Вполне вероятно».

«Дай номер».

«Не знаю».

«Очень нужен».

«Не знаю».

«Что делать?»

«Зайди позже».

«Ты его вчера видела?»

Ответа не последовало. Я повторила вопрос пять раз, прежде чем увидела на экране строчку, написанную мелкими буквами желтого цвета: «Тайм-аут для Королевы роз».

- Кристя, - закричала я.

- Слушай, - обозлилась девочка, входя в кабинет, - у меня завтра экзамен, а ты спать не даешь! Ну что еще?

- Что значит «тайм-аут»?

- Мать божья, - вздохнула Кристина, - ни сна, ни отдыха измученной душе. Твоя Королева роз ушла из компа или ее вынесло.

Я глянула на часы. Ладно, подожду, вдруг Треш появится.

Минуты улетали прочь. В чат приходили и уходили люди под самыми разными, подчас просто невозможными прозвищами: Хрюндель, 77 1/2, Хтрэвел, Экстрима, Гостиница, Уединение, Чудо без перьев, Дыня... Я уже совсем отчаялась, стрелки подбирались к половине третьего. Наверное, надо уходить и вновь попытаться счастья завтра, к тому же немилосердно захотелось спать. Но тут через экран побежала строчка крохотных букв: «К нам приходит Треш».

Сон мигом слетел с меня, и я начала долбасить по клавишам:

«Треш, приветик!»

«Добрый вечер».

«Давно жду тебя».

«Зачем?..»

«Ты меня не узнал?»

«Нет».

«Это же я».

«Кто?»

«Ну я, та самая».

«Кто?!»

«Треш! Ты забыл! Как можно! А я согласна».

«Давай в мою «аську».

Я посмотрела на экран, там ничего не моргало. Кристина уже спит, спросить не у кого, но девочка вроде говорила, что внизу должно появиться окошко.

«Ну и где же ты? – спросил Треш. – Чего тормозишь?»

«Не знаю, как в твою «аську» попасть».

«Кликни внизу».

«Там ничего нет».

«Ща. Так ты инвизибль! Включи «аську». Что за черт, ты офлайн!»

Честно говоря, я не понимала ни слова. Но тут меня вдруг осенило. Треш принял меня за кого-то и сейчас соединяется с другим компьютером, номера-то моей «аськи» он не знает.

«Ну, блин, набери 19876543217».

«Это чья «аська?» – бдительно спросил поганец.

«Моя».

«Твоя другая».

«Моя. Просто сейчас я не дома».

«А где?»

«У соседки, попросила ребенка постеречь, она в гости ушла».

«О'кей».

Внизу экрана затряслась красная полоска, я щелкнула по ней мышкой. Открылось окно, и появилась строчка.

«Келлер. 2.45. Лилит? Ты?»

Я быстро набрала ответ и нажала на то место, где стояло «отослать сообщение». Послышалось мелодичное «блям, блям, блям», и под первой строкой возникла вторая.

«Чес. 2.46. Я!»

Очевидно, неизвестный Треш поверил мне, потому что на белом фоне мигом побежали буквы.

«Думал, ты не решилась, чего молчала?»

«Ну так!»

«Берешься?»

«Да».

«Условия прежние».

«Хорошо. Что мне делать?»

«Завтра, в десять утра, Шереметьево, рейс Дели – Москва, встретишь парня, возьмешь сумку, привезешь куда надо, получишь 10 тысяч баксов».

«Как я его узнаю?»

«Сам подойдет».

«А он как меня узнает?»

«Возьми в левую руку бутылку воды «Святой источник», 0,5 литра, а в правую новый роман Смоляковой».

Я пришла в полнейшее негодование. Это уже слишком!

«Можно вместо Смоляковой Маринину?»

«Нет! Курьер уже летит, поздно. Ничего не перепутай, стой под табло в зале прилета. В сумке товара на сто тонн гринов, отвечаешь головой».

«Куда везти товар?»

«Косинская улица, дом восемь, квартира шесть».

«Где такая?»

«В атласе погляди», – ответил Треш и исчез.

Я выключила компьютер и зарылась в постель. Олег мирно похрапывал на левом боку. Ладно, дружок, вот стану и в самом деле суперзнаменитой и офигительно популярной, тогда и посмотрим, у кого в голове тараканы!

Для того чтобы попасть к десяти в Шереметьево, мне пришлось вылезать из уютной теплой кровати аж в семь часов. Но никто не удивился моему столь раннему пробуждению. Олег и Сеня в это время уже ушли на работу, а Крестя, Томочка и Никита спят самым сладким сном. Подождав, пока хлопнет входная дверь, я вихрем понеслась в ванную, постанывая от нетерпения. Дело, похоже,

выеденного яйца не стоит. Сейчас получу сумку, скорей всего с наркотиками, дотащу ее до Косинской улицы и увижу Треша. Дальше – дело техники. Послежу за парнем, раскрою сеть наркодилеров и сдам негодяя милиционерам. Жаль только, что приключение так быстро несется к концу, большой книжки не получится.

Несмотря на ранний час, в Шереметьеве клубился народ. Не успела я войти в просторный зал, как откуда-то из-под потолка раздался приятный женский голос:

– Совершил посадку самолет Аэрофлота, следующий рейсом из Дели. Встречающих просят подойти к выходу номер два.

Я понеслась было в сторону большой черной двойки, видневшейся на стенде, но тут же вспомнила, что ждать таинственного незнакомца следует под табло, и опрометью побежала назад, сжимая в одной руке бутылочку «Святого источника», а в другой детектив. Моя внешность ни у кого не вызывала подозрений. Из-за жары очень многие пили минералку, а книги Смоляковой держал каждый третий.

Я тупо стояла под табло и уже стала думать, что Треш подшутил надо мной, когда раздался тихий вопрос:

– Вы Лилит?

Очень смуглый, хрупкий юноша в строгом черном костюме испытующе заглядывал мне в лицо. На мизинце правой руки сверкнуло кольцо, похожее, с бриллиантом.

– Да-да, я Лилит.

– От кого вы?

– От Треша.

– Что должны забрать?

- Сумку с товаром на сто тысяч, - бодро отчеканила я.

- Тише, - шикнул курьер, - вот держите.

И он ногой пододвинул ко мне спортивный баул не слишком больших размеров. Я схватилась за ручки. Неожиданно поклажа легко оторвалась от пола.

- Не вздумай открыть по дороге и смыться с героином, - предостерег курьер, - Треш тебя из-под земли достанет.

- Я честный человек!

- Все честные до первой стодолларовой бумажки, - изрек курьер и смешался с толпой.

Я пошла к автобусу. Косинская улица на другом конце города, меньше чем за два часа не добраться.

Из метро я вышла в боевом настроении. Вся подземка читала Маринину, Полякову и Смолякову. Впрочем, кое у кого мелькали в руках любовные романы Анны Берсеновой - молодой, но уже успевшей стать модной писательницы. Арину Виолову не читал ни один человек, словно меня и нет на свете. Ну ничего, сейчас закончу расследование и такую книгу напишу! Смолякова локти от зависти искушает!

Но чем дальше я шла по Косинской улице, тем быстрее пропадал задор, возле дома шесть я совсем приуныла. Да уж, очень надо Смоляковой с ее тридцатью книгами завидовать какой-то Арине Виоловой. Где она и где я. Небо и земля.

Восьмой дом оказался нежилым. Одна из пятиэтажек первой серии, подготовленная под снос. Жильцы давно выселены, стекла выбиты, двери подъездов распахнуты.

Поколебавшись немного, я вошла в первый подъезд и стала подниматься на второй этаж. Под ногами крошились куски битых кирпичей и осколки. Неожиданно дверь в шестую квартиру оказалась запертой. Я постучала ногой в филенку.

- Кто? – глухо донеслось с той стороны.

- Лилит.

- К кому?

- К Трешу.

С легким скрипом дверь распахнулась.

- Давай сюда, – велела тощая белобрысая девица, по виду чуть старше Кристи.

Я вошла в грязную прихожую.

- Где товар?

- Вот.

- Сумку не открывала?

- Нет, конечно, не волнуйтесь, все в целости и сохранности довезла.

- Стой тут, ща проверю, – процедила девчонка и исчезла в комнате.

Я хотела прислониться к стене, на которой были записаны шариковой ручкой номера телефонов, но не успела, потому что хозяйка заорала:

- А ну иди сюда!

Я вошла в комнату. Из мебели была только табуретка, на ней – раскрытая сумка, рядом, сердито сдвинув брови, стояла девчонка.

- И где товар?

- Как? В бауле!

- Да? Там нет ничего.

- Не может быть, - я подскочила к табуретке.

- Сама смотри, - прошипела девица, - одни рваные газеты.

Я принялась перебирать смятую бумагу.

- Действительно!

Девчонка вцепилась мне в запястья.

- Ах ты, падла! Сперла товар.

- С ума сошла?!

- Вовсе нет! Нашлась, самая хитрая. Решила нас на сто кусков кинуть!

- Не мели чушь, - огрызнулась я и попыталась вывернуться из ее маленьких, цепких, как у обезьянки, рук.

Но девушка держала меня мертвой хваткой.

- Ну-ка, погоди!

Из кармана крохотных джинсовых шортиков словно по мановению волшебной палочки появился мобильный.

- Послушай, - миролюбиво сказала я, - включи мозги, если они у тебя, конечно, есть. Предположим, я и в самом деле унесла героин, ну зачем бы тогда явилась сюда с пустой кошелкой? Между прочим, от Шереметьева до Косинской улицы почти два часа пилить, ты меня рано не ждала, было время испариться. К чему сюда-то являться? Товар, скорее всего, скоμμуниздил тот смуглый парень, который вез посылку из Индии.

- Он вне подозрений, - выплюнула девчонка, поднося к уху мобильный, - ездит пятый год, и все тип-топ, а вот ты, голуба, первый раз взялась!

- Да зачем сюда приезжать с пустой сумкой?!

- Эй, Треш, - заорала девчонка, - п...ц, товар с...и, эта м...а заявила с е...и газетами. Что? Ага, ясненько, да, да, да, так и передам!

Красная от гнева, она швырнула мобильник на пол и заявила:

- Спрашиваешь, зачем сюда сумину волокна? Хитрой быть хотела! Думала козой прикинуться! Ничего не знаю, ни о чем не ведаю, сумочку притащила, давай «зелень» и распрощаемся. Только облом вышел. Мы про тебя все знаем! Придется тебе у муженька сто тонн попросить и отдать Трешу.

- У какого мужа? - стала заикаться я.

Только не хватало сейчас втянуть в это дело Куприна, мало мне не покажется!

- Хватит, - просипела девчонка, - ты что, и впрямь считаешь, будто Треш лишь один твой ник знает? Слушай, Лилит, ты - Лидия Анатольевна Ферганова, проживаешь на Сиреневом бульваре, в доме двадцать три. Муж твой - Николай Петрович Ферганов - имеет неплохой бизнес, денежки домой тугими мешочками таскает. Только тебя не устраивает семейное положение. Половина баб скосорылится от зависти, узнав, что ты не работаешь, имеешь полно хрустиков и занимаешься лишь своей придурочной собачкой. Но ты телка шебутная, вот и завела себе любовничка, Витьку Корниенко, наделала долгов и решила подзаработать. Все про тебя известно, голуба! Теперь, если не хочешь, чтобы до мужа дошел рассказ про тебя и Витьку, ищи сто кусков. Мы люди честные. Нам больше, чем товар стоит, не надо. Собирались, правда, продать и наварить, да хрен с тобой. Гони бабки! Или верни героин.

Я почувствовала легкое головокружение. Вот беда. Получается, что я втравила совершенно незнакомую мне Лидию Анатольевну Ферганову в дикую историю.

- Так сразу не могу, - забормотала я, - дайте подумать, деньги большие.

- Возьми у мужа!

- Не даст, и потом, как я объясню, зачем мне такая куча баксов?

- Ну, - протянула девица, - возможны варианты, мы с Трешем готовы пойти тебе навстречу.

- Как тебя звать? - я решила наладить контакт.

- Джуманджи, - не моргнув глазом, представилась пакостница, - вот что, Лилит, скажи своему благоверному, что тебе бабушку надо привезти в Москву, родственницу одинокую, пусть ей квартиру купит.

- Но... Откуда я возьму старушку?

- Не твоя печаль, уговоришь мужа, предоставим бабуську, поможем.

- Дайте подумать! - взмолилась я. - Ну не могу я так сразу, мозги отключились!

Джуманджи глянула на часы.

- Времени тебе до часа ночи. Выйдешь в чат и свяжешься с Трешем. Не вздумай убежать.

- Мне некуда.

- Вот-вот. И помни: о тебе все известно, Лилит!

Вымолвив последнюю фразу, Джуманджи противненько засмеялась и почесала нос. На одном из пальцев у нее виднелась белая полоска - очевидно, девица сняла с руки кольцо.

- Ступай себе, - велела она.

Я выскочила на улицу и, не разбирая дороги, кинулась к метро. Надо немедленно потолковать с Лидией Анатольевной.

Глава 8

На Сиреневый бульвар я заявила в самый разгар трудового дня, искренне надеясь, что нигде не работающая Лидия Анатольевна сидит за чашечкой кофе перед телевизором. То, что семья Фергановых более обеспечена, чем соседи, стало понятно сразу, при беглом взгляде на дверь в их квартиру. У всех двери были деревянными, слегка облупившимися, а у Фергановых – шикарная панель, похоже, из цельного массива дуба, да еще наверху, в углу потолка, торчала маленькая камера.

Я нажала на звонок.

– Кто там? – донеслось из стены.

– Виола Тараканова.

– Кто?

– Меня вызывала Лидия Анатольевна.

– Минуточку.

Послышался легкий шорох, потом другой женский голос спросил:

– Вы ко мне?

– Мне нужна Лидия Анатольевна Ферганова.

– Слушаю.

Я обозлилась. Она что, предполагает беседовать со мной через дверь?

– Откройте, пожалуйста.

– Зачем?

– Нужно встретиться.

– Я с вами незнакома, – не сдаюсь тетка, – дверь не открою, говорите так или уходите. Станете названивать, нажму тревожную кнопку и вас заберут в милицию.

– Откройте, я не причиню вам вреда.

– Убирайтесь.

Понимая, что разговор зашел в тупик, я рявкнула:

– Не идиотничайте! Лучше посмотрите внимательно на экран видеофона. Разве я похожа на бандитку? Если не впустите меня, то, естественно, я не стану настаивать и уйду, но вас тогда ждут крупные неприятности. Треш знает про Виктора.

– Не понимаю, – дрожащим голосом начала Лидия Анатольевна, но я перебила ее:

– Чат... «ту.ru», разговор по «аське» с Трешем в отношении кое-какой услуги. Сколько он вам пообещал?

Загремели замки, и на лестницу выскочила прехорошенькая блондиночка в коротком халатике-распашонке, открывавшем красивые, стройные ножки.

– По-моему, вы сумасшедшая, – гневно сверкая большими голубыми глазами, сказала она, – несете чушь!

Я улыбнулась.

– Почему тогда вы не вызвали милицию, а открыли дверь? Вам не следует меня бояться, давайте поговорим. Вы дома одна?

– Нет, конечно, – звенящим от напряжения голосом сообщила красавица, – во-первых, в квартире горничная и два охранника, во-вторых, муж в кабинете, в-третьих...

– Шесть вооруженных до зубов омонцовцев, парочка Джеймсов Бондов, установка «град» и зенитно-ракетный комплекс, – хмыкнула я, – ну не врите так глупо. Нам действительно надо срочно переговорить в укромном уголке. Вам грозит нешуточная неприятность, которую, к сожалению, спровоцировала я.

Лидочка бросила быстрый взгляд на камеру и понизила голос:

– Вы кто?

– Журналистка и писательница Виола Тараканова.

– Не слышала о такой.

Я вздохнула.

– Ну, пока мое имя не слишком на слуху, я написала лишь два детектива. «Гнездо бегемота» и «Скелет в шкафу».

– А вот не брешите-ка, – заявила Лида, – я читала эти книжки-то, их автор Арина Виолова!

Я почувствовала прилив гордости. Ну надо же!

– Вы переверните книгу, там на задней обложке моя фотография помещена.

Не говоря ни слова, Лида исчезла в квартире. Я прислонилась к косяку. Не прошло и пяти минут, как дверь распахнулась и улыбающаяся хозяйка потрясла ярким томиком.

– Ну и ну! Кому сказать – не поверят! Автограф дадите? Идите, идите, вам чай или кофе? Хотите пообедать? Катька вкусно готовит.

– Большое спасибо, есть не хочется, а вот чаю с удовольствием.

Меня провели в гостиную и торжественно усадили за овальный стол, с которого почти до полу свисала кружевная скатерть цвета ряженки. В мгновение ока появились две хрупкие чашечки, изящный чайничек, коробочка конфет «Моцарт» и вазочка с печеньем. Лидочка продолжала радостно щебетать:

– Ну никогда не встречалась с писателями! Надо же! Сама Арина Виолова и у меня дома!

Мне очень не хотелось портить ее радужное настроение, но делать было нечего. Выпив удивительно вкусный, отлично заваренный чай, я набрала побольше воздуха в легкие и начала:

– Вчера я вошла в чат «my.ru»...

Чем дольше я говорила, тем сильнее бледнела Лидочка, в самом конце она прошептала:

– Господи, что же вы наделали! Ну зачем прикинулись мной!

– Я не думала ни о чем плохом. Случайно вышло. Хотела вызвать Треша на разговор, а он сразу принял меня за вас. Вы ведь и раньше общались?

Лида кивнула.

– Да, в чате. Знаете, как в сети болтают, все растрепать могут. Я познакомилась с девчонкой. Она жаловаться стала, что муж намного ее старше, запер дома, а мой...

Лидочка схватила край кружевной скатерти и, комкая ее, стала исповедоваться.

Ей всего двадцать три года, за плечами только школа да учеба в модельном агентстве «Рашен старз». Неизвестно, какая бы модель получилась из Лидочки, поработать ей так и не удалось, потому что на первом же показе в нее влюбился солидный, богатый человек Николай Ферганов. Коля сначала красиво ухаживал, а потом предложил руку и сердце. Девятнадцатилетняя Лидочка заколебалась.

С одной стороны, жизнь еще и не начиналась, связывать себя не хотелось, появятся дети, испортится фигура... С другой стороны, на нее налетели подружки.

– Ты, Лидка, ваще дура, – в один голос твердили «вешалки», – может, такая удача только один раз в жизни и выпала!

– Другие мужики найдутся, – легкомысленно заявила Лида. – Коля старый, тридцать пять стукнуло, да и не нравится он мне!

– Привыкнешь, – сурово заявила Инесса Радова, – а насчет мужиков... Их тут и впрямь тучи, только что-то жениться никто не спешит. Проводят с нами время, а в супруги других берут. Не упusti удачу!

Под давлением общественности Лидочка дрогнула и пошла в загс. Первые полгода семейная жизнь текла беззаботно. Несостоявшаяся моделька носилась по магазинам, скупая все, на что падал взгляд. Потом заниматься безудержным шопингом надоело. Муж целыми днями ворочал бизнесом, таких понятий, как выходные и праздники, для него не существовало. Лидочка изнывала от скуки. Она попыталась было снова выйти на подиум, но супруг категорично сказал:

– Нет.

Еще год Лида провела, как в анабиозе, спала до полудня, много ела, смотрела телевизор, толстела и от скуки устраивала истерики мужу. В конце концов Николай сообразил, что жене следует чем-то занять, и отправил ее учиться в Академию киноискусства. Согласитесь, жена-артистка – это круче, чем жена-манекенщица.

– Получишь диплом, – наметил он перед Лидой перспективы, – я спонсирую какой-нибудь фильм, сыграешь в нем главную роль.

Лидочка с жаром взялась за учебу. Вернее, ей нравилось не сидеть за учебниками, а весело проводить время с сокурсниками, ходить в кафе, участвовать в капустниках, гулять по Москве. Николая никогда не было дома, и Лидуша перестала ощущать себя замужней дамой, скорей она воспринимала супруга как родственника, ну, к примеру, богатого дядю. А потом к ней пришла любовь. В роли Ромео выступил четверокурсник Витя, местный красавец и

Казанова.

Неревнивый муж абсолютно спокойно реагировал на заявления супруги типа:

«Приду поздно, у нас репетиция». Или: «Поеду к подруге готовиться к экзаменам».

Парочка забросила учебу и шлялась по кабакам. Ели и пили на деньги Лидочки, у Вити в кармане бренчали считанные копейки. Потом им надоело таскаться по общественным местам, захотелось иллюзии собственного дома, и Лидочка сняла квартиру. Теперь к Николаю она прибегала только ночевать, а через пару месяцев стала задумываться о разводе. Но тут Коля улетел на целых три месяца в Америку, у него затевался невероятно выгодный контракт с заокеанскими партнерами. Лидуся уволила прислугу, чтобы та не шпионила за хозяйкой, и переселилась на съемную квартиру к любимому Витеньке. Через месяц стало понятно: она фатально ошибалась. Во-первых, кончились деньги, а Лидочка не привыкла себе ни в чем отказывать. Питаться кефиром и одеваться в секонд-хенде забавно ради приключения, но постоянно так жить унижительно. Во-вторых, Витька целый день лежал на диване и попрекал «жену»: не постирала рубашки, не сварила обед, плохо заварила чай. Лидочка, приученная к тому, что всю работу по дому выполняют наемные люди, сначала пыталась вести хозяйство, а потом возмутилась:

– Сам себе брюки гладь!

Разразился скандал со взаимными упреками, слезами и хамскими криками. Лида схватила чемодан и была такова. Она тихо радовалась, что не совершила глупости, не объявила мужу об уходе, а проделала все тайно. Коля теперь казался ей лучшим из супругов. Лидочка наняла новую домработницу, записалась в кружок вязания и осела у телевизора. В институт, чтобы не столкнуться с Витькой, она не ходила. Впрочем, весной бывший любовник должен получить диплом и исчезнуть из жизни Лиды.

Вернулся Коля, померил жутковатый свитер с вытянутыми петлями и расцеловал жену. Жизнь вновь налаживалась, но неожиданно возникла неприятность. Позвонила незнакомая девушка и заявила:

– С тебя десять тысяч баксов.

– За что? – подскочила Лида.

– Приезжай на Манежную площадь, в кафе «Рондо», узнаешь.

Лида поспешила по указанному адресу, встретила с отвратительно толстой, черноволосой и усатой бабищей, которая показала ей парочку фото. Витя и Лидочка обнимаются на фоне красиво цветущей яблони, а вот и вовсе раздетые...

– Это что... – испуганно пробормотала неверная жена.

– Десять тысяч гринов – и негативы твои, – ухмыльнулась толстуха, – даю на раздумье неделю. Прикинь, как твой муж обрадуется, увидев картинки. Ей-богу, сумма невелика.

Лидочка в полной панике приехала домой. Николай мог дать десять тысяч, не моргнув глазом, попроси жена купить ей колечко, часы или эксклюзивную шубку. Но он, естественно, удивится, узнав, что такая сумма понадобилась ей на карманные расходы. Взять в долг? Не у кого.

Лидочка просто сломала голову. От полной тоски и безысходности она поделилась бедой со своей подругой по чату секретом. Лидочка совершенно не рисковала. О ней не было ничего известно, кроме ника Лилит. Впрочем, и она не знала настоящего имени девчонки, просто знала ее ник Мимоза и болтала с ней в чате около месяца. Лидочка любила бродить по сети, но чат «my.ru» был лучшим, там собирались прикольные собеседники. Уезжая к Вите, Лида прихватила ноутбук и по вечерам убегала в «паутину». Кстати, Витька был недоволен, он не умел пользоваться компьютером и считал походы в чат идиотской забавой. Мимоза появилась в «my.ru» не так давно, недели за две до разрыва Лиды и Витьки, но успела стать для разочарованной любовницы жилеткой, куда можно смело плакать, не боясь, что слушательница воспользуется полученной информацией.

Естественно, Лида тут же рассказала Мимозе о шантажистке, и виртуальная подруга написала в ответ:

«Погоди, могу помочь».

«Как?»

«Тебе нужны десять тысяч?»

«Очень».

«Есть человек, Треш, приходит сюда после часа ночи, вызови его в приват, скажи, что от меня, он даст заработать».

«Что делать?»

«Не знаю».

Лидочка едва дождалась урочного времени. Треш спокойно пообещал:

«Есть возможность. Отвезешь товар – получишь бабки».

«Какой товар?» – решила уточнить Лида.

«Дурь», – ответил Треш, – не бойсь, дело налажено. Не ты первая».

Лидочка испугалась. Наркотики – это серьезно.

«Я подумаю», – ответила она.

«Только не тяни, – предупредил Треш, – завтра в час дай ответ, не захочешь – другой побежит. Мне лишние курьеры не нужны. Ради Мимозы согласился».

Весь следующий день Лида провела в дикой тревоге, да еще вечером, около десяти, на ее мобильный позвонила шантажистка и напомнила:

– Счет идет, осталось три дня.

Ощущая себя тараканом, над которым навис ботинок, Лидочка вошла ночью в чат и написала:

«Я согласна, куда ехать?»

«На...» – начал Треш, и тут связь прервалась.

Лидочка попыталась еще раз выйти в Интернет, но попытки срывались одна за другой. Сначала не налаживалась связь с провайдером, потом комп заморгал и погас. Похоже, что он совсем сломался. Лидочка от злости чуть не разбила монитор. Ну бывает же такая фатальная невезуха! Именно в тот момент, когда ей начали сообщать самую нужную информацию, проклятая консервная банка надумала скончаться!

Решив завтра же попросить у мужа новый компьютер, Лидочка отправилась в кровать. Утром произошло непредвиденное событие.

Едва проснувшись, Лидуся увидела на тумбочке букет алых роз и прислоненный к нему конверт. Ничего не понимая, она развернула письмо.

«...Дорогая Лидуся, зайнышка моя! Извини, не стал тебя будить, хотя очень хотел поздравить лично. Но ты так сладко спала, что я решил отложить поцелуи до вечера. Поздравляю с годовщиной нашей свадьбы. Я очень люблю тебя и счастлив. Ей-богу, не знал, что тебе подарить. Не слишком-то сведущ в дамских штучках. Поэтому решил: купи сама, что пожелаешь. Машину, шубу, колечки. На счету двадцать тысяч, если не хватит – доложу. Твой мохнатый мишка».

Лидочка посмотрела на новенькую карточку VISA, выпавшую из открытки, перечитала письмо и разрыдалась. Нет, ее Коля самый лучший, нежный, внимательный, чудесный... Никогда больше она не станет ему изменять. Всучит деньги шантажистке, пусть та подавится, и заживет спокойно.

– И ты отдала десять тысяч? – поинтересовалась я.

– Еще нет, – покачала головой Лида. – Эта дрянь должна послезавтра звонить. С Трешем я, естественно, соединяться не стала, в чат «tu.ru» больше никогда не пойду. Думала, все отлично, но теперь появилась ты! Что же теперь делать, а?

– Погоди, – забормотала я, – сейчас придумаем. Твой муж когда приедет?

- Поздно, является около двух, как правило.

- Это хорошо, - протянула я, - жди меня у себя в полночь, станем играть с Трешем в кошки-мышки.

- Ой, не надо, - испугалась Лида.

- Не бойся, мы прижмем ему хвост, - пообещала я, - но для этого надо встретиться с парочкой людей. Ну-ка, пусти меня к телефону!

Первый звонок я сделала одному из приятелей Куприна, Андрею Протасову. Андрюшка работает в отделе, который занимается наркотиками, и может пролить свет на кое-какие загадочные обстоятельства.

- Протасов, - гаркнуло из трубки.

- Добрый день.

- Слушаю, - голос звучал по-прежнему сурово.

- Андрюш, это я, Виола, жена Олега Куприна.

- О-о, привет великим писателям!

- Ладно тебе издеваться.

- Вовсе нет, я всерьез, моя Ленка от твоего «Гнезда бегемота» в восторге.

- Слышь, Андрюш, помоги.

- Случилось что-то?

- Нет, надо посоветоваться, у меня в новом романе ситуация крутится вокруг наркотиков.

– А ты напишешь на первой странице: «Консультант майор Протасов А. М.»? – заржал приятель.

– Обязательно.

– Тады приезжай.

– Куда?

– Ко мне.

– Нет, не хочу, чтобы Олег знал.

– Почему?

– Он издевается надо мной, говорит, ерунду пишу. Вот хочу с тобой проконсультироваться, чтобы чего не напороть, а Куприну не скажу, пусть думает, что сама такая умная.

Андрюшка захихикал.

– Лады, дуй на улицу Поликарпова.

– А там что?

– Квартирка хитрая, – веселился Андрей, – будем встречаться как мент и информатор, в условиях полнейшей секретности. Пиши.

Я схватила ручку и записала адрес.

Глава 9

Подойдя к девятиэтажной серой башне, я задалась вопросом: «Интересно, а у Куприна имеется оперативная квартира? И для каких целей он ее использует?»

Андрюшка распахнул дверь и хохотнул:

- Дуй по коридору непосредственно в кухню. У меня кофе есть.

Если сказать честно, я терпеть не могу растворимый суррогат. К благородному напитку, получаемому из зерен, он не имеет никакого отношения. Но Андрюшка с такой радостью тряс банкой «Нескафе», приговаривая:

- Глянь-ка, чего для тебя купил, - что я не посмела отказаться.

С первого взгляда на крохотную кухоньку становилось понятно, что здесь не готовят обедов. Над не слишком чистой раковиной висела металлическая корзиночка, в которой стояли две чашки, одна тарелка и одноразовые пластиковые стаканчики, которые кто-то, пожалев выбросить, решил помыть и использовать второй раз. Плита тут была двухконфорочная, зеленые занавески совершенно не сочетались с темно-синей клеенкой, посудное полотенце отсутствовало, а на подоконнике стоял чайник, не электрический, эмалированный, с отбитой эмалью, ядовито-желтого цвета, смахивающий на старого гуся. Андрюшка вскипятил воду, развел кофе и принялся ругаться:

- Ну народ, шакалы прям. Ведь купил сюда пряников, печенья, чтобы людей угощать. Так все слопали, один сахар оставили!

- Мне не хочется есть, спасибо, - ответила я, помешивая темно-коричневую жидкость.

Ей-богу, так противно пахнет, что и пробовать неохота.

- Дело не в этом, - злился Андрюшка, - нехорошо, когда только один покупает, а остальные жрут. Ну, выкладывай, что там у тебя.

Я насыпала в «Нескафе» сахар, может, сладкое это пойло не будет таким гадким?

- Понимаешь, я придумала сюжет для небольшой повестушки, но там дело вертится вокруг наркотиков. Боюсь наврать чего...

- Весь внимание, - заявил Андрюшка и вытащил сигареты.

Если в ментах и есть что хорошее, так это их умение слушать. Олег никогда не станет прерывать собеседника, даст выговориться до конца, уточнит:

- Это все?

А потом засыплет вопросами. Андрюшка тоже абсолютно молча ждал, пока я все расскажу, и только затем заявил:

- Ну, в отношении компьютеров ничего тебе сказать не могу. С этим следует обращаться к Петьке Рогову. Я только пасьянсы раскладывать умею. Что же касается наркотиков... Тут полно серьезных ошибок.

- А именно?

- Действительно, очень часто курьеров нанимают, так сказать, со стороны. Используют людей, не связанных с наркоорганизацией. Такой, даже если и попадет в руки милиции, ничего не расскажет. Максимум, что сообщит: место, где получил товар, да опишет внешность того, кто отдавал сумку. Только, сама понимаешь, толку от этих сведений грош. В курьеры стараются нанять людей, которые должны вызвать наименьшее подозрение: ну, допустим, женщину с грудным младенцем, ребенка лет двенадцати, старуху.

- И они соглашаются?

- Не перебивай, - рассердился Андрюшка, - слушай внимательно, запоминай свои вопросы, потом задашь! Еще как соглашаются! Правда, иногда бывают «слепые» курьеры.

- Господи, - всплеснула я руками, - ну ни за что бы не подумала! Человек ничего не видит, а берется за такое дело!

Андрюшка хмыкнул.

- Ну, Вилка, нельзя же начинать писать книгу и не иметь никакого понятия о предмете! «Слепой» курьер - это отнюдь не тот, кто лишен зрения. Так называют людей, которые не знают, что везут наркотики.

- Это как?

- Да просто. Ну попросил тебя приятель: «Вилка, будь другом, летишь в Москву, прихвати для моего друга посылочку». Возьмешь?

- Конечно, если она не слишком большая.

- Попросишь, чтобы развернули пакет и показали содержимое?

- Да нет...

- Вот, и таких лохов, как ты, шеренги. Но не о них речь. Даже если и предположить, что этот Треш ищет курьеров через Интернет, то совершенно невероятно, что он отправляет новенького с большой партией товара. Курьера сначала проверяют на граммах, и вообще, для крупных поставок существуют иные каналы. Потом, десять тысяч долларов никто не заплатит за перевозку. Вернее, такую сумму могут отдать, но только в том случае, если человек обеспечивает безопасность цепочки: поставщик - курьер - получатель - барыга - дилер - покупатель. Курьер - маленькая шестеренка в машине наркоторговли. Десять тысяч баксов! Ты с ума сошла! Да ему цена две сотни, без тысяч! Ну и загнула! И уж совершенно непонятно, почему этой Лилит дали десять дней на поиски денег.

- Как почему? Она должна добыть сто тысяч!

Андрюшка снисходительно похлопал меня по плечу.

- Милая ты моя, наивная незабудка! Если предположить, что товар исчез, а курьер прибыл с пустой тарой, то его никто никуда не отпустит. Сначала побьют от души, затем прикажут решать вопрос на месте - велят «подарить» квартиру или дачу. А если у бедняги ничего нет, просто убьют, чтобы другим неповадно было. Есть еще и другие огрехи. Придется тебе всю книжку переписывать.

Я залпом опрокинула в себя отвратительную жидкость. От сахара кофе получился еще гаже.

- Да уж, невесело.

Андрюша развел руками.

- Можешь, конечно, оставить все как есть, только на правду это будет похоже, как муха на крокодила. Хотя откуда людям знать... Ну, посмеется кое-кто, оставь, не переписывай! Я иногда детективы почитываю и дико веселюсь, в особенности на тех страницах, где написано, как следователь хватает государственную машину и мчится за преступником. Все брехня: и автомобиля не допросишься, и следователь...

- Значит, на истину не похоже? - прервала я Андрюшку.

- Угу, - кивнул тот, - впрочем, знаешь что?

- Ну?

- Сделай по-другому.

- Как? - машинально спросила я.

Честно говоря, разговор я поддерживала просто по инерции, все, что требовалось, уже узнала.

- Предположим, в Интернете орудует шайка мошенников, - начал фантазировать Андрюшка, - никакими наркотиками они не торгуют, просто отлавливают лохов и дурят по-черному. Всовывают саквояжик якобы с «дурью», потом делают вид, что героин исчез, и начинают вымогать деньги. Вот тогда все становится на свои места. Ясно, почему десять тысяч пообещали, их никто платить-то не собирался. Понятно, отчего большую партию товара сразу переправляли, не было его в сумке.

На секунду я замерла, потом заорала:

– Андрюха! Ты гений! Именно так и обстояло дело! Все, извини, бегу, где моя сумка? Пока! Кофе был чудесный!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

История семьи Виолы Таракановой рассказана в книге «Черт из табакерки».

2

«Аська» – программа ICQ, позволяющая двум людям вести приватный разговор посредством компьютера.

3

Ник – псевдоним, который берет человек, чтобы общаться в Интернете. Шапочка может оказаться лысым дядькой. Великий Дракон – 12-летней школьницей, а Оторва Зеленая – почтенной, сорокалетней матерью семейства.

Купить: <https://telnovel.me/ru/darya-doncova/skelet-iz-probirki>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)